

РЕГИНА РАЙЛЬ

Музыкальное
ОТРАЖЕНИЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Регина Райль

Музыкальное отражение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50059655

SelfPub; 2023

Аннотация

По запросу "Мария Иванова" социальные сети находят больше ста двадцати тысяч человек, а вот Керис из рок-группы «Фосфор» – одна-единственная. Моё зеркало отражает двух разных людей: днём скромного офисного работника, а по вечерам – эпатажную синеволосую рок-диву. Но свою радикальную ипостась я скрываю вовсе не из-за строгого дресс-кода, а из-за начальника, в которого влюблена. Евгений Селиванов по каким-то причинам не выносит музыку. Смогу ли разобраться со своим призванием и заинтересовать мужчину мечты, не изменив себе? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Обычная жизнь	4
Глава 2. Презентация	25
Глава 3. Вторая ипостась	44
Евгений. Глава 1. Несчастный случай	66
Глава 4. Другие звёзды	74
Глава 5. Первое задание	94
Евгений. Глава 2. Наставник	109
Глава 6. Селекторное совещание	113
Глава 7. Сделка	135
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Регина Райль

Музыкальное отражение

Глава 1. Обычная жизнь

Утро медленно распускало туманные щупальца, прогоняя ночь из города, который никогда не спит. Едва я вышла из метро, как меня подхватил суетливый людской поток. Выстукивая каблуками персональный ритм по узорчатой кладке, я наблюдала, как в просвете между высотками проснувшееся солнце потягивалось лучами.

Торопящиеся на работу люди несли меня к бизнес-центру, вырастающему прямо по курсу. Его архитектурное исполнение в стиле «ар-деко» воплотилось в стеклянных вертикальных конструкциях, перемежаемых бетонными продольными вставками. Композиция напоминала застывший каскадный водопад, но сейчас из-за лёгкого тумана, заострённая верхушка казалась откусанной. С верхних этажей открывался потрясающий вид, но часто любоваться панорамой не получалось – я работала на седьмом.

Поначалу перспектива переезда меня жутко пугала, но стоило осмелиться, как я влюбилась в столицу с первого взгляда. После знакомства с ней, мне казалось, в моём род-

ном городе нет ничего выдающегося.

Москва предстала передо мной вширь и ввысь: не улицы, а трассы, не здания, а чёртовы танкеры, не тротуар, а аллеи с парками. Здесь я чувствовала себя маленькой и незначимой, а в людском потоке теряла собственное «я». Тут хотелось кому-то что-то доказать, а в первую очередь – себе: «смогу!»

Я бросила себя в стремнину мегаполиса: либо утону, либо выплыву. И справилась.

Пообвыклась, пока училась в Политехе. Будущую специальность выбирала из сфер строительства, искусства и медицины. В родной глубинке у меня была рок-группа, поэтому я всерьёз собиралась поступать в музыкальный ВУЗ, но родители отговорили, аргументировав, что квалифицированные инженеры-проектировщики на вес золота: высокая зарплата и карьерный рост гарантированы.

«Будут деньги, «пению» выучишься на курсах», говорила мама.

Я согласилась чисто из практических соображений. Что я там, мелкая, понимала? Столичный универ родители одобрили, а переезд прельщал свободой.

В принципе, за время обучения я не пожалела о принятом решении, потому что успевала всё: и «грызть гранит», и петь в новообретённой группе.

Гитарист Глеб и басист Виталий стали моими первыми приятелями в столице. С ними я познакомилась в Интернете два года назад и продолжительное время общалась в соцсе-

тях. Их текущая группа «Фосфор» и моя тогдашняя играли в одном стиле – мелодик дэт-метал, поэтому всегда находилось, о чём поговорить.

Я прикатила как раз, когда от них ушёл вокалист. Ребята увидели в моём приезде знак свыше, а меня не пришлось долго уговаривать. Я легко втянулась, и мы быстро наработали репертуар. В Москве гораздо проще с организацией концертов, публика драйвовее, да и народу на выступления приходило больше.

Собственно, к последнему курсу, я уже решила, что диплом будет пылиться на полке, а я полностью уйду в музыку, но Вселенная решила иначе. Как там говорят? Чтобы рассмешить её, надо рассказать о своих планах. Вот я так и сделала.

Стажировку мне назначили в архитектурно-проектной мастерской «Эксперт ГеоКом». На встречу с руководством я шла без энтузиазма, а после неё всё изменилось: я поставила себе цель, во что бы то ни стало пробиться в штат. Почему?

Прозвучит сентиментально, но тогда я впервые в жизни испытала невероятные чувства. Сердце заколотилось, язык отказался слушаться, ноги задрожали. Я шла уверенная в себе, но стоило переступить порог и встретиться взглядом с зелёно-голубыми глазами молодого босса, как вся смелость немислимым образом исчезла.

Такого прежде не случалось. Да, у меня были отношения с парнями, а как иначе, в мои-то двадцать пять. Но встреча с Евгением Юрьевичем Селивановым стала поворотной в

судьбе Марии Ивановой. Тогда я поняла, что это мужчина моей мечты.

Глупости, сказала я себе. Это невозможно, кто я и кто он? Я не мыслила себя без спонтанного и безбашенного творчества, без группы, а он серьёзный и деловой, привык всё планировать и просчитывать, а ещё, как выяснилось позже, находился в сложных отношениях с музыкой. Но выбросить высокого широкоплечего брюнета из головы я уже не могла, как ни старалась. Прodelки Вселенной, не иначе.

Я принялась судорожно вспоминать, не зарекалась ли влюбляться в бизнесменов, но, естественно, ничего такого в памяти не всплыло. Неужели я как-то иначе бросила вызов этой капризной госпоже, а она тут же поймала за язык?

Но с начальником мы пересекались мало – лично стажёрами он не занимался. Тогда моей задачей стало остаться в фирме и обратить на себя его внимание. Ежедневно я старалась изучить как можно больше, исполняла все поручения, проявляла инициативу, не боялась переработки и выкладывалась так, что еле добредала по постели.

А ещё подружилась с закреплённым руководителем практики, и после защиты дипломной работы, он поручился за меня. Я сделала невозможное: меня приняли в фирму.

Влюблённая дурочка, конечно, напридумывала себе всякого, но наши отношения с Селивановым не улучшились. Мне «повезло» оказаться в группе проектировщиков, а он возглавлял отдел архитекторов. По работе мы пересекались

редко и общались непростительно мало.

Я не была на сто процентов уверена, помнил ли он моё имя, и, конечно, никаких признаков его особого отношения ко мне не наблюдалось. Женя всегда держался подчёркнуто вежливо, в его ровном и спокойном тоне не слышалось заигрываний или отвлечений от деловых тем.

Но надежды я не теряла. Ещё не успела за четыре месяца работы.

Я вышла из лифта, пикнула пропуск на входе, прошла короткий коридор и нырнула в осязаемую офисную суету. Настроение появилось из ниоткуда, заставив меня с улыбкой перешагнуть порог. Что и говорить: я любила свою работу, хоть иногда бывало тяжело.

Если горели сроки, приходилось работать сверхурочно, но меня устраивало всё: и зарплата, и месторасположение, и график работы, и начальник. Особенно он, да.

Ради этой работы я даже смирилась с деловым дресс-кодом, научилась бегать на каблуках и важности ради стала носить очки с нулёвыми линзами.

Похож ли наш офис на муравейник? Ещё бы.

Я приходила минут за двадцать до официального начала рабочего дня, но мне всегда казалось, будто я опоздала часа на два, а то и вовсе заявила под конец. Жёстких рамок, во сколько приходить-уходить не было, хоть в шесть утра, хоть в полдень, главное отработать восемь часов и сделать текучку. Начальник появлялся всегда по-разному: то сидел с самого

утра, то приходил в обед и вечеровал – никогда не угадаешь.

Свежий ветер разгонял ароматы кофе. Кто-то ещё зевал и обнимался с кружками, кто-то уже всю чертил проекты и делал расчёты. И возрастной разбег был разный: от семнадцати до пятидесяти. Группа проектировщиков состояла преимущественно из молодежи, а вот в непосредственном подчинении Селиванова имелись сотрудники старше и опытнее. Приятно осознавать, что они уважали и принимали тридцатилетнего руководителя.

Я шла по проходу и здоровалась с коллегами. Схема рассадки была проста до банальности: столы приставлены так, что составляли квадрат. Четыре человека, разделённые невысокой полупрозрачной перегородкой, сидели за компьютерами лицами друг к другу. Ряды с двух сторон тянулись в горизонт. Нет, конечно, гораздо ближе, до стеклянных дверей в соседнюю секцию, и дальше – до кабинета Селиванова. А вдоль стены выстраивались шкафы с документами, закрытые зеркальной панелью.

Интересно, пришёл ли уже Евгений Юрьевич? Я не любила заявляться позже него – так я теряла возможность видеть, как он с портфелем наперевес вальяжно шествовал к себе. В их отдел я ходила редко, а по поручениям босса к нам бегала в основном Жанна Борисовна – мой непосредственный руководитель и заместитель начальника по всем вопросам.

Трезвонящий телефон в своей секции я услышала ещё на подступах. Значит, моя напарница ещё не пришла, или как

всегда врубил музыка в наушниках.

Она заявляла, что может проснуться только так, и никакой кофе, хоть ты всю банку замешай ей в кружку, не работает действеннее. Приколоться, что ли, как-нибудь и реально сотворить ей такой «божественный» напиток?

Ну, точно, Полины ещё не было. Перешагивая через реки бумаги, разлитые плоттером (обычно мы запускали печать чертежей на ночь, чтобы к утру собирать готовые схемы), я подошла к столу напарницы взять трубку, но звонок уже сорвался.

Я сняла пиджак и повесила его на спинку вертящегося стула, оставшись в белой блузке с коротким рукавом, серой жилетке и юбке чуть выше колена. Потом глянула в зеркальную панель шкафов-купе убедиться, что мой наряд безупречен, а русые волосы собраны в тугую кубышку на затылке.

Придирчиво оглядев себя и не найдя изъянов, я улыбнулась и поправила очки на носу.

А потом появилась подруга, немного заспанная, но благоухающая сладким ароматом духов и одетая в деловое платье со строгим белым воротником. Тёмно-синяя ткань обтекала её подтянутую женственную фигуру. Из косметики – только розовая помада на полных губах, остальное успешно заменили наращённые ресницы, а также татуаж бровей и век.

Даже на тонких как ножка бокала для шампанского шпильках моя коллега не ходила, а преподносила себя. Светлая грива пушистых истерзанных карвингом волос обнима-

ла гордо расправленные плечи.

С Красновой мы устроились в компанию с разницей в неделю – только я по результатам стажировки и учёбы, а она – по знакомству. Но кто поспособствовал её приёму, она мне так и не поведала. Потому что нас хоть и можно было назвать приятельницами, но общались мы только в стенах компании – за дверями у каждой кипела своя жизнь: Полина подрабатывала инструктором по «booty dance» (это там где попами трясли), слушала клубную музыку и R'n'B, одевалась модно и ярко, естественно, вне рабочего места, где дресс-код позволял проявлять индивидуальность лишь в строгих оттенках чёрного, серого, синего и зелёного, с редкими вкраплениями белого.

Полина знала себе цену, и я была уверена, с лёгкостью заполучила бы любого мужчину в нашей компании, включая самого главного, будь он ей нужен.

Но на моё счастье на Женю она не претендовала, потому что собиралась замуж за известного в своих кругах спортсмена. Селиванова она признавала редким красавчиком, а благодаря намётанному глазу на девиц, погрязших в любовной хандре, быстро меня раскусила. И в полном соответствии с законами женской солидарности, сочувствовала моим страданиям и поддакивала «какие мужики слепые, что своего счастья под носом не видят».

Но почему-то мне казалось, что в глубине души она не предполагала, что я могу завоевать нашего босса, считая ме-

ня заурядной, а мою жизнь – скучной и рутинной.

Про свою вторую ипостась я ей не поведала – мало ли, проболтается кому-нибудь ненароком и пиши пропало. Если инфа влетит в вострое ушко Жанны, то из другого вылетит не скорее, чем я с занимаемой должности.

– Салют, Маша! Как настроение? Я тебе сейчас такое расскажу! – выпалила подруга, приветственно махнув пакетом.

Она скользнула мимо меня на своё место, но не успела даже начать рассказывать, как зацепилась каблуками за раскатанный по ковру рулон бумаги и чуть не полетела грудью на стол. Процесс освобождения ноги Полина сопровождала такими отборными выражениями, что соседи обернулись, посмеиваясь.

Краснова выдохнула, закинула вещи на стол, откинула гриву волос на спину и упёрла руки в бока.

– Иванова, что за беспорядок ты устроила? Я ж чуть не убилась! Что это за фигня? – она указала на километры бумаги.

– НВК по проекту реконструкции «Геометрия Групп», – ответила я, но Полина только рукой махнула:

– Давай просто унесём это на прошивку.

Мы сгребли бумаги в кучу, стараясь не помять, но вдруг Краснова увидела кого-то за моей спиной и вскочила, роняя собранное.

– Альфред, погоди минутку, пожалуйста! – она тут же переключила внимание на проходящего сисадмина. – Ты сей-

час сильно занят? У меня «Revit» глюканул, можешь посмотреть? Я тебе ещё вчера в чат писала.

Я только вздохнула и продолжила в одиночестве собирать распечатки.

– Привет, девчонки, – худой темноволосый парень остановился и кивнул обеим. – Поль, я бы рад помочь, да прямо сейчас в филиал уезжаю. Там сеть упала.

– О! Ну ладно, тогда Славу попрошу, – улыбнулась девушка, но Альфред покачал головой:

– А он уже там. С утра бьётся.

– Чёрт! То есть вы сегодня не вернётесь? – расстроилась Полина. – Может, тогда сейчас быстренько глянешь? Пожалуйста-пожалуйста, я же работать не смогу! – взмолилась она, сотворив такую просительную мордашку, что тот знаменитый кот из Шрека сожрал бы от зависти свои сапоги и шляпу.

Я попыталась аккуратно протиснуться мимо них с кипой чертежей, возлежащей на моих руках как воздушный крем на капкейке. Приличная такая шапка получилась – выше головы. Надо было скрутить в рулон, что-то я не подумала. Ну вот, теперь захотелось чего-нибудь сладкого, кексик, например, или зефир в шоколаде.

– Ребят, отойдите, я ничего не вижу. Иду по приборам, – пошутила я, огибая коллег.

До стола с брошюратором всего несколько метров, доберусь.

Или... нет.

Совершенно неожиданно в проходе возникла преграда, и я врезалась в неё, сминая «крем». Я едва не выругалась громко и смачно, но потом увидела, благодаря кому мне придётся переделывать работу, и язык сросся с нёбом. Сердце в секунду превратилось в воздушный шар и защекотало грудную клетку, а невыносимый трепет прошелестел по телу, заряжая каждую клетку восторгом, изумлением и страхом.

Вот он мой капкейк с черникой, кокосовой стружкой и разноцветным сахаром. Но эту вкуснейшую сладость мне никогда не попробовать. Умные зелёно-голубые глаза смотрели на меня со сбивающим с ног удивлением. Не знаю, каким чудом я удержалась, но колени абсолютно точно задрожали. У нас небольшая разница в росте (спасибо шпилькам), но сейчас мне казалось, что я смотрела на величественного Женю со дна глубокой ямы.

– Доброе утро, – холодно и вежливо поздоровался Селиванов, поджимая губы.

Боже, как велики у страха глаза! Мой босс выжидательно смотрел, а я всё не могла совладать с языком. Наконец, я выдавила из себя:

– Д-доброе утро, Евгений Юрьевич. П-простите п-пожалуйста, что толкнула. Я не нарочно. Сама не знаю, как не заметила вас. Наверное, слишком торопилась.

– Ничего страшного, – качнул он головой, чуть отстранился и поправил безупречно сидящий серый пиджак и синий

галстук.

А потом провёл рукой по тёмно-каштановым прямым волосам с лёгкими завитками у ушей. Я уловила древесно-пряный аромат его парфюма, и голова закружилась. Только бы не упасть. Держись, Машка!

Селиванов опустил взгляд на смятые чертежи в моих руках и изогнул бровь:

– Насколько мне известно, вы ведёте «Геометрию Групп». Это один из разделов?

Сил ответить не осталось. Я кивнула.

– Заказчик сообщил, что приедет сегодня, к концу рабочего дня. Готовый проект должен лежать у меня на столе после обеда, – сказал шеф спокойно, но строго, а потом похоже заметил мой дикий взгляд и предобморочный вид, и смягчился: – Успеете доделать и увязать со смежными разделами до презентации? Или вам нужна помощь, Мария?

Мария! Боже! Он помнил моё имя! Я чуть не воспарила к потолку, а сердце-воздушный шар лопнуло от радости. Это как отрезвило меня, что я отчаянно закивала:

– Да! То есть нет! В смысле, что да, успею! – пылко ответила я и покраснела. Ну, дура душой. – Помощь не нужна, я справлюсь... – добавила я уже тише.

– Хорошо, работайте, – снисходительно ответил мужчина и пошёл по проходу, оставляя за собой шлейф головокружительного аромата.

А я прижала к груди несчастные (или счастливые?) рас-

печатки и одновременно чуть не рассмеялась и не расплакалась от досады. Внутри бушевало торнадо, затягивая в свою воронку все чувства, которые находило.

Что он обо мне подумал? Какая-то неадекватная сотрудница, честное слово.

Видя, что я на грани, и вот-вот хлопнусь в обморок под плотоядными взглядами всего офиса, Полина тут же распрощалась с Альфредом и подскочила ко мне.

– Машка, спокойно! Тише-тише! – пригрозила она. – Идём со мной!

Она избавила меня от проекта, закинув его на прошивочный стол, и потянула за руку по коридору. Я не сопротивлялась.

Полина вывела меня в холл, где утопила в мягких подушках кожаного дивана, а после налила холодной воды из кулера. Я с благодарностью осушила пластиковый стаканчик и медленно выдохнула, успокаиваясь. А глаза подруги, напротив, восторженно загорелись:

– Машка, молодчина! Я ни за что не додумалась бы, а ты так ловко всё подстроила!

– Что подстроила? – непонимающе уставилась я на неё.

– Не прикидывайся дурочкой! – Поля нетерпеливо подпрыгнула на диване. – Ты ведь нарочно впечаталась в Селиванова, да? Ты не могла не заметить его! До чего хитро!

– Нет, Поль, – я покачала головой, сняла очки и помассировала переносицу. От напряжения разболелась голова. –

Видимо, я на самом деле дурочка, но я не сделала бы этого специально. Сама не понимаю, как не увидела его, проект заслонил мне обзор.

– А зря! Вздыхая в уголке, не поймаешь мужика. Смотри, уплывёт рыбина в чужие сети! – подруга хихикнула. – Маш, надо маячить рядом, попадаться под руку, врезаться. Цель оправдывает средства! Тем более, ты носишь очки, вот тебе извечное оправдание. Я на твоём месте пользовалась бы.

– Ага, чтобы он велел мне купить собаку-поводыря? – покачала я головой, но улыбки не сдержала. – Хотя в офис с животными нельзя. Как думаешь, с палочкой разрешит ходить?

Мы с Красновой засмеялись, зажимая рты, и я окончательно успокоилась.

– Надо идти работать, – я снова нацепила очки на нос. – И добить раздел до обеда.

– Успеешь. Я тебя, трудоголичку, знаю. И теперь у тебя есть повод заглянуть к Евгению, – наклонилась ко мне Полина. – Так что давай, не робей.

При упоминании новой встречи на меня накатила волна страха, смущения и затаённой радости. Легко ей говорить: «не робей», а я сама себя не узнавала рядом с этим женщиной. Я не застенчивая, без труда завожу клубы и концертные залы, выступаю в откровенных нарядах, но стоит Жене появиться на горизонте – как всё, я другой человек.

Видимо, разделение на личности произошло и в моём

мозгу.

– Жаба Борисовна-то не стесняется, вечно свои сиськи суёт ему под нос, – подлила масла в огонь подруга. – Чёрт, вспомни про дно, вот и оно. Полундра, рассредоточиваемся! – скомандовала она и вскочила с дивана.

Я поднялась следом, но смыться мы не успели – женщина окликнула нас.

Жаба Борисовна – так мы с коллегой за глаза прозвали нашу начальницу. Она работала тут всего два года, но уже так хорошо вникла в деятельность фирмы, что Селиванов назначил её личным консультантом, хотя изначально в её обязанности входила только координация отдела проектировщиков.

Внешне Жанна высокая и ладная, со стройной, но не идеальной фигурой. На мой взгляд, кое-что можно подтянуть в фитнес-клубе, а вот, по мнению тридцатипятилетней женщины, у неё всё прекрасно.

Мне не нравилось, что она вилась вокруг Жени, не хотелось думать, что стала помощницей через постель. Это не только лишало меня шанса, но и портило образ начальника. Однако я почему-то думала, что там нет служебного романа.

Гладкий густой хвост медного оттенка возлежал на плече, а грудь, которой Жанна так любила сверкать перед шефом, колыхалась в низком вырезе свободного топа под тёмным пиджаком. Женщина шла по проходу с гордо поднятой головой.

Ох, уж эти столичные штучки! Или только в этом офисе все высокого мнения о себе, и одна я «маскировалась» под серую мышь? Приходите на мой концерт, поглядим, кто тут звезда, а пока я буду неприметной.

– Доброе утро, девочки! – приветливо поздоровалась Жанна, но в её искренность я не верила. – Полина, я сбросила в сеть новую папку по жилому дому в Некрасовке. В заданиях, которые они прислали, недостаточно данных для проектирования. Созвонись с ними, пусть досылают. В общем, передаю их тебе, курируешь расчёты и инженерные сети, а Георгий подготовит архитектурно-строительную часть, с ним тоже связь держи, – с ходу раздала она поручения.

– Хорошо, Жанна Борисовна. Я всё поняла, – закивала Полина и зыркнула на меня, мол, сейчас и ты получишь задание.

Так и случилось. Начальница повернулась ко мне:

– Мария, утром мне звонил Евгений Юрьевич. Проект по «Геометрия Групп» должен быть у него на столе как можно скорее. Они перенесли встречу, приедут не в понедельник, а сегодня после обеда. Придётся поторопиться, но у тебя же почти всё готово?

Мои губы чуть не раскатались в самодовольную улыбку. Грело, что я уже знала о приезде заказчиков, причём из уст самого Евгения, поэтому надменный начальственный тон Жабы меня не задел.

Я собиралась сказать, что этот вопрос у меня в приорите-

те, как Поля вдруг выдала:

– А Маша в курсе. Селиванов ей лично сообщил.

Высыпи на меня кто в тот момент ведро льда, я даже не заметила бы, так остолбенела. Вот ведь, безудержная, не могла промолчать! Не моргнув глазом разболтала ценные сведения! Шея будто одеревенела, и я медленно повернула голову в сторону подруги.

Стоит, скалитесь, морда хвастливая. Гадство, ну я ей устрою!

Жанна удивлённо вскинула брови.

– Правда? Лично? – она перевела взгляд с Красновой на меня. Казалось, залепи я ей сейчас пощечину, она изумилась бы меньше. Но женщина быстро взяла себя в руки, сощурилась и заговорила таким ласковым тоном, что я задрожала. – Замечательно, значит, ты уже знаешь, что делать. Фронт работы есть у обеих, вперёд, – сдержанно улыбнулась она, развернулась и застучала каблуками прочь.

Стоило ей отойти подальше, как я впилась в плечо Полины. Grimаса боли сменила спесивое выражение, но возмутиться подруга не успела – я тут же красочно пояснила ей, что думала о болтливых языках.

– Прости, солнц, – потупилась Краснова, – слова будто сами сорвались. Бывает же, когда прям распирает? Вот это как раз тот случай! Меня буквально жгло изнутри, так хотелось посмотреть на физию Жабы, когда она узнает! Нет, ну ты видела, она ж позеленела вся! – злорадствовала подруга, а мне

не было так весело. Даже злость внезапно сошла на нет.

– Ладно, неважно, – я отпустила Полину и потопала на своё рабочее место, снедаемая дурным предчувствием, что Краснова рубанула под корень мой единственный шанс. Теперь только ждать, когда и как отыграется на мне начальница.

Со вздохом я включилась в работу. И как это обычно бывает, отвлеклась и забыла о прищуренном взгляде и вымораживающей улыбке Жанны. Я предвкушала, что закончу большой проект и сдам его Селиванову в срок.

Я пахала без обеда, не обращая внимания на вопли умирающих китов в животе. Меня подстёгивала предстоящая встреча.

Когда есть цель, то каждый маленький шаг, каждая мелкая мысль, помогали приблизить её, подстёгивали и подталкивали. А я сейчас не просто шла, я летела.

Воображение разыгралось, показывая мне живописные картины нашего разговора тет-а-тет. Женя, наверняка, что-нибудь спросит по разделу, а я охотно расскажу, глядя в нереально глубокие глаза. Не хлопнуться бы в обморок от их чарующей силы.

Со счастливой улыбкой я сняла прошитую папку с брошюратора и пошла к столу.

Вдруг откуда не возьмись...

– Как дела, Иванова? – из горизонта ко мне выплыла Жанна Борисовна. – Раздел готов? Отлично! Можешь быть сво-

бодна, я сама отнесу его Евгению Юрьевичу, – пропела она, выхватывая у меня из рук папку.

А я даже возмутиться не успела – так шустро она завилыла упругим как маршмеллоу задом по узкому проходу к кабинету начальника. Вот гадина! Умыкнула мой шанс!

Со злости я сжала кулаки. Обидно, не то слово! Вот сейчас она войдёт, продефилирует прямо к креслу шефа, а он посмотрит на неё своими дивными глазами и довольно улыбнётся. Но эти улыбка и взгляд предназначались мне!

Жаба вряд ли присвоит себе мои заслуги, но уязвляло, что она растоптала мою мечту! И как вовремя появилась! Каратулила что ли? А я даже не заметила, витая в облаках.

Вот балда! Влюблённая идиотка!

– Пст! Машка! – услышала я сбоку истерический шепот. – От тебя уже дым под потолок валит, палишься. Сядь уже, харе сверлить взглядом задницу Жабы!

– Я с садистским удовольствием просверлила бы там дыру не взглядом, – вздохнула я, падая на обтянутый кожей вертящийся стул. – А в идеале с запасом наделать.

– Скажешь тоже! – захихикала Полина, но её смех быстро захлебнулся, когда она увидела, какая я хмурая. – Малыш, сильно расстроилась? – она перехватила волосы от уха через голову и вытащила на плечо. Пушистый хвост обнял шею как лисий воротник. – Извини, это я виновата. Не ляпни тогда...

– Да ладно, я ведь всерьёз и не надеялась. Всё равно что-нибудь да помешало бы, – я пожалала плечами и тускло улыб-

нулась. – Как-то мне не фартит в этом плане.

А Полина вдруг въедливо посмотрела на меня.

– Эй, ты чего так смотришь? С одеждой что-то не то? – удивилась я и принялась искать изъяны в своём наряде, но подруга мотнула головой.

– Нет, всё хорошо, ты красотка! Просто мне неловко. Чтобы загладить вину, я хочу позвать тебя сегодня в мою школу. Занятие, естественно, бесплатное. Потанцуешь, расслабишься, отвлечёшься. Ну, как? – она подмигнула мне и лущезарно улыбнулась.

А я застыла с приоткрытым ртом. Полина никогда не звала меня не то что на тренировки, даже до метро. Хотя, какая тут прогулка, если жених забирал её на «Фольксвагене Джетта», а я топала в подземку.

Спасибо ей, конечно, за то, что пыталась вытащить из хандры бедную провинциальную подружку, ломающую зубы о богатого красавчика, но танцы Красновой не поднимут мне настроение. У меня есть для этого другой прекрасный способ. И он как раз исполнится вечером – «Фосфор» выступает в «Нефелиме».

– Поль, спасибо большое за приглашение. Круто, реально, но я сегодня занята, – попыталась отмазаться я, но подруга, похоже, вознамерилась любой ценой загладить провинность.

– Ма-а-аш, да ладно! Знаю я твои дела: закроешься в четырех стенах и будешь книжки читать. Пошли, развеешься, для фигуры полезно.

– Я верю, и обещаю, что как-нибудь пойду, но не сегодня. Я в порядке, не беспокойся, – улыбнулась я уже веселее. От её заботы мне стало чуточку легче.

– Эх, ну ладно, – смирилась подруга, – но если передумаешь – звони.

– Обязательно. А сейчас может, поедим? Мужчину у меня увели, но с обедом такое не прокатит, – я поднялась и взяла сумочку.

– Это уж точно! – засмеялась Полина, и мы вместе покинули офис.

Глава 2. Презентация

Настроение после еды поднялось. Я не собиралась отказываться от Жени и ещё не отчаялась добиться его внимания, а в будущем – и расположения. Собственно, эти мелкие разочарования нельзя было назвать «ударами судьбы», а раз так, то и печалиться не имело смысла. Если Жаба бросила мне вызов, то я его приняла! Услышать вежливое «Добрый день» Селиванова, поймать его короткий взгляд – этого я всегда ждала с замиранием сердца. А сегодня мне вообще повезло.

Если стремишься к чему-то всей душой, даже Вселенная начинает помогать, признавая искренность и серьёзность намерений. А мои как раз такие.

Едва мы с Полиной вернулись, как Жаба озадачила меня просьбой подключить проектор в конференц-зале и разложить материалы для предстоящей презентации. Обычно этим занимался кто-нибудь из админов, но раз сегодня оба уехали в филиал, а я им когда-то ассистировала и знала технологию, то отправили меня.

Ничего против я не имела, и вот уже открывала дверь, пытаясь удержать в равновесии папки, сумку с проектором и ноутбук. Просто чудеса эквилибристики. Поленилась сделать два захода. Отперев замок, я вошла в зал и чуть не задохнулась от духоты.

Поэтому, сгрудив демонстрационный материал и сумки на стол, я первым делом включила кондиционер, расположенный на боковом выступе потолка. И замерла под прохладными струями, охлаждаясь и оглядывая по стенам репродукции картин разных художников-пейзажистов: Моне, Левитана, Шишкина.

В кабинете переговоров господствовал идеальный порядок. Длинный чёрный лаковый стол сверкал будто зеркальный, кожаные сидения как по линейке ровно стояли по обе стороны, ни пылинки не было на кофейном столике. Позади стола руководителя красовалась исписанная разными графиками доска, а слева белело полотнище экрана проектора.

С доски я ничего стирать не стала, а вот документы разложила.

Справившись с этой лёгкой задачей, принялась колдовать с техникой. Провода соединила быстро, осталось только в розетку включить. А она как назло располагалась над самым полом. Будь я в брюках, то без труда наклонилась бы, но после сытного обеда, да ещё на каблуках, не смогла даже присесть, опасаясь, как бы швы на узкой юбке не треснули. Пришлось стелить на пол бумагу и опускаться на колени.

Так глупо я себя ещё никогда не чувствовала! Зацепила за ухо тонкую прядь, выбившуюся из кубышки, поправила на носу очки и выдохнула.

Но как только я забралась под стол, в коридоре слышались мужские голоса, приближающиеся к конференц-залу.

Неужели заказчики уже приехали? Рановато. Времени ретироваться мне не хватит, но с колен надо встать однозначно.

Я быстро сунула вилку в розетку, но вылезти не успела – дверь распахнулась, стукнувшись ручкой о стену, и голоса заполнили помещение.

По тому, как горланили вошедшие, казалось, ворвалось как минимум человек пять, но вскоре я различила всего два голоса. Меня как ледяным ветром обдало, когда в одном, злом и жёстком, я узнала Евгения. Я никогда не слышала, чтобы он так кричал, но сейчас не сомневалась, что это он. Я сжалась от страха и заползла дальше под стол. Вот же влипла!

А вот с кем спорил Селиванов, я не узнала. Мужчины ругались, переходя на личности и, то и дело, позволяли себе крепкие словечки. Я подтянула ноги и перевела тело на корточки. Пришлось скруглить спину и упереться в столешницу – до жути неудобное положение. Юбка сжала бёдра, из-за высокого каблука заныли голени.

Может, они быстренько поскандалят и уйдут? Я робко надеялась на это. Не хотелось, чтобы Женя спалил меня здесь. Ведь я поняла, что подслушивала его личную беседу.

– Не думал, что после всего у тебя хватит наглости заявиться в компанию, Егор! – бросил он зло. – Ты не мог громче орать? Чтобы все этажи слышали, а не только мой офис?

– Да пошёл ты! Буду орать сколько хочу, понял? И это не

только твой офис, говнюк! Я тоже имею право здесь находиться!

По моим ощущениям голос принадлежал молодому парню. Меня покорило, и я даже не знала от чего больше: от слов или визгливых интонаций.

– Да, имеешь, но я улажу этот вопрос. Впредь ты не появишься здесь, пока не научишься вести себя адекватно. Ори на проходной сколько угодно, пусть хоть весь бизнес-центр сбежится, но я не выйду, и охранник тебя не пропустит! Это не твоя хреновая студия, где можно играть дерьмовыми песенками, тут люди *работают*. Хотя, что ты в бизнесе понимаешь!

Прежде я никогда не слышала такого яда из уст Жени, и похолодела. Но за язвительностью чувствовался ещё один слой – болезненный и печальный, сковывающий язык, как послевкусие горькой таблетки.

– Это мои-то песни дерьмо? Ошибаешься, Женька! Они охуенны. Но что бы ты ни делал, это только подогревает ко мне интерес, – голос некоего Егора не уступал в едкости. – Хорошо, что ты, наконец, перешёл к теме, по которой я здесь!

Что за фамильярности? Да кто это вообще такой? Хоть одним глазком посмотреть бы. Может, получится осторожно высунуться? И кто с утра шепнул мне надеть эту чертовски неудобную юбку? Ладно, попробую осторожно.

Я сделала мелкий шажок, но колено прострелило болью.

Чуть не взвыв, я накрыла сустав ладонью и мягко его помассировала.

Долго я тут не просижу, это факт, но если начну перестраиваться – они меня услышат, а разговор всё больше приобретал налёт фатальности. Они ругались, уверенные, что никто не слышал. Как отреагирует Женя, узнав, что кто-то беспардонно сунул нос в его личную жизнь? Вот засада, я попала по полной!

А они не собирались сворачиваться. Я едва не застонала в голос. Почему меня послали настраивать проектор? Почему мне всегда так везло?

– Признайся, это твоих рук дело! На такую низость мог пойти только ты, сука! Додумался же слепить видео, где я обсираю Кайзера! Хотел подставить перед конкурентом, обвалить рейтинги, да? Жалкие попытки! Тебе не удастся потопить меня, паскуда!

Собеседник Жени не стеснялся в выражениях, и во мне всколыхнулась волна справедливого негодования: как он посмел оскорбить моего любимого мужчину?!

– Понятия не имею, о чём ты. Не знаю я никаких Кайзеров, мне нет дела до вашей индустрии. Тебе лучше уйти, – сквозь зубы процедил Селиванов.

Казалось, он едва сдерживался, чтобы не сорваться на грубость и не кинуться на хама с кулаками. Судя то тому, как сдавленно звучал его голос, у этого Егора получалось выводить мужчину из себя. Взбешенным Женю я не видела ни-

когда. Теперь мне стало ещё любопытнее, кто это парень и откуда у него такая власть?

Боль в колене прошла, и я осторожно поползла к краю. Сейчас я выгляну...

– Вот ты как? Ладно. Срать я на тебя хотел! Завидууй, сколько хочешь! Но я свободен, делаю, что хочу, а ты папешешь на отца! Я знаю, ты причастен, и ты ответишь за свои дела! Я это так не оставлю, твою мать! Понял, сучий ублюдок? – послышался резкий стук.

Я поняла, что Егор шмякнул ладонью по столу, и вздрогнула от неожиданности.

В этот момент я как раз выглянула из-за края. Спиной ко мне стоял Евгений без пиджака, в костюмных брюках и светлой рубашке с засученными рукавами. Но мне некогда было восхищаться им, меня больше интересовал его дерзкий собеседник.

Выше Жени на пару сантиметров, Егор значительно проигрывал в комплекции. Бесформенная толстовка скрывала торс, но вытянутое бледное лицо, худые кисти и ноги в обтягивающих узких джинсах с висящим задом выдавали субтильную фигуру. Из-под капюшона, накинутаго на голову, выбивалась белоснежные пряди тонких как паутина волос до подбородка. Вид немного помятый. Да и в принципе не красавец: большой нос, полные губы, густые брови и наглые тёмные глаза.

Но отгаликивающей его внешность нельзя было назвать. И

вообще парень показался мне смутно знакомым. Он отчаянно размахивал руками и раскачивался на носках – чувствовал своё превосходство, будто ему принадлежал этот зал или как минимум часть компании.

– Заткнись, Егор! Или я сделаю это сам, – Женя подался вперёд и схватил парня за грудки. А тот скривил рот в усмешке и расставил руки, точно собирался обнять его. – Ты говоришь о нашей матери, сосунок! – он оттолкнул от себя Егора, а тот сморщился и харкнул под ноги Селиванову.

О матери? Значит, Женя разговаривал... с братом? Догадка лишила меня равновесия. От неожиданности, хотя из-за затёкших ног больше, я полетела на пол.

Оба как по команде вздрогнули и обернулись. Я поднималась на шаткие ноги под обескураженными взглядами. Голени кололо как иголками – застоявшаяся кровь стремительно побежала по венам.

– Это что? – голос Егора показался мне отвратительным. – Ты тут шпионку посадил уши греть? Мудак!

– Как... – Женя резко побледнел и так растерялся, что мне стало его жаль. – Что вы здесь делаете? – он развернулся ко мне и нахмурился.

Жутко не хотелось, чтобы его злость излилась и на меня тоже. И фонтан прорвало:

– Евгений Юрьевич, я не нарочно! Я не хотела подслушивать! Просто подключала проектор, а тут вы вошли, я боялась помешать, а потом было неловко вас прерывать.

– Мари-и-я! – обречённо выдохнул мужчина, а Егор вдруг зацепился за моё имя.

– Мария? Твоя шлюшка? – он обеим руками оттолкнул Женю со своего пути и подскочил ко мне. – Ждала под столом, когда ты ширинку расстегнёшь? – он вдруг схватил меня за лацкан пиджака и подтянул к себе. – У тебя всегда был дурной вкус, но эта сучка посимпатичнее прошлой, – пока я пыталась освободиться от цепких пальцев парня, он вдруг смахнул с моего носа очки и вгляделся в лицо.

– Отпусти девушку! Она не причём! Это только наш с тобой разговор! – Женя как-то болезненно перекосясь, в несколько шагов дошёл до нас, схватил брата за плечо, но тот, вместо того, чтобы отпустить, крепче прижал меня к себе.

Ух, до чего же тощий! Его тазовая кость впиалась мне в бок. Я ощутила запах вишневой жвачки, дорогого одеколona и спиртного, выпитого вчера.

– Да не буду я с тобой разговаривать! Теперь по-другому побазарим! Я предупредил!

Он с такой ненавистью смотрел на брата, что мне стало обидно за Женю. Я даже вырваться перестала. Что они не поделили? Почему так ругались?

– Всё, я сваливаю. Дай пройти, – Егор оттолкнул меня, выдернул руку из хватки Евгения и грубо зацепил его плечом.

Мои туфли не выдержали такого испытания – каблуки подогнулись, и я, как подрубленное дерево грохнулась на зад-

ницу, сдавленно ойкнув. Женя кинулся вперёд, но подхватить меня не успел. Он наклонился и положил руку мне на плечо:

– Мария, как вы? Не ушиблись?

Придвинувшись безобразно близко, Селиванов участливо взглянул на меня. А я забыла про боль в копчике и залюбовалась склонившимся надо мной мужчиной – эти тёмно-каштановые завитки волос на лбу и заросший щетиной подбородок – м-м-м, когда мне ещё так повезёт! Мне показалось, или он посмотрел на меня как-то странно? Будто впервые видел. А, ну да, Егор же содрал с меня очки!

– «Император на ветер не бросает слов и карает жёстко долбанных врагов...» – бормотал парень, танцуя к выходу. А потом раздался хруст, и из-под подошвы дорогих фирменных кроссовок брызнули осколки стекла и пластиковые дужки моих очков. – Упс! – Егор развернулся, показал нам два фака и пнул стул. Несчастный предмет мебели отлетел к стене, чуть не пропоров репродукцию картины Шишкина. – Счастливо оставаться, лошары, – бросил он и выскочил в коридор, хлопнув дверью.

– Щенок! – выдавил Женя и взял меня за руку.

Я почувствовала, что его буквально трясло от злости. Да я и сама надавала бы этому молокососу! Ремнем его надо было воспитывать, почему запустили? Может, ещё не поздно? У меня есть один, с патронами, бить будет больно. Одолжу ради такого дела.

– Не переживайте, Мария, я выпишу вам премию, купите себе новые очки. Можете встать? Я помогу, – мужчина приподнял меня за спину, а потом передвинул руку на талию.

А я стала тряпичной куклой и инстинктивно обхватила его за шею. От аромата пряного парфюма и его собственного мужского запаха, у меня снова подогнулись колени.

Когда он прижал меня к себе, высвободиться не хотелось. Совсем не так, как с Егором, да и тело у Евгения было не костлявое, а крепкое и гибкое. Я таяла, ощущая под одеждой налитые силой мускулы, и полностью расслабилась в руках начальника, а он будто и не почувствовал моего веса – поднял без напряжения и поставил на ноги.

Потом снова посмотрел как-то странно и отпустил не спеша, только когда уверился, что я стою, не заваливаясь на бок. Мне жутко не хотелось его отпускать, но я быстро убрала руки – и так уже разозлила босса.

– Спасибо. И простите... Не нужно премии. Я сама куплю, – залепетала я.

– Перестаньте, это же моя вина, – он нервно почесал голову над ухом. – Вы хоть что-нибудь видите сейчас? – он покосился на меня.

Ещё как! Очки-то фэйковые, но отыграть надо по полной.

– Вижу, но немного размыто, – я заглянула ему в лицо и нарочно сощурилась. На самом деле я пользовалась тем, что могла открыто и безнаказанно смотреть на него.

– Съездите в оптику, если надо, я подпишу отгул, – Женя

выдохнул, успокаиваясь, и прошёл за стол. Он раскрыл принесённую мной папку и бросил как бы невзначай: – Надеюсь, вас не нужно предупреждать, что всё, виденное и слышанное в этом зале, должно здесь и остаться?

– Конечно, Евгений Юрьевич! Я никому не скажу, обещаю, – выпрямилась я. – Это не моё дело, я не буду распускать сплетни.

Не глядя на меня, он как-то задумчиво покивал, будто оценивая, можно ли доверять мне и не лучше ли будет припугнуть или задобрить прибавкой? А потом повернулся.

Я оказалась на бескрайнем поле расцветших красных маков. Нежные лепестки затрепетали на ветру, и воздух насытился дивным дурманящим ароматом. Я упала в глаза Жени и потонула в океане томительного чувства. И что-то такое же безбрежное раскрылось между нами...

А потом зазвонил мой телефон.

Взгляд Селиванова медленно наполнился если не презрением, то крайней степенью неприятия. Мужчина переменился в лице и посмотрел на мой карман, в котором надрывался сотовый, изливая свежий хит металкор-группы. Да, со всеми яркими атрибутами стиля: скоростные гитары, хрипящий скримо, барабанный ритм, как сердце тучного человека, догоняющего уезжающий автобус. И как моё сейчас.

С плеч медленно стекала река мурашек, пока я пыталась вытащить из кармана злополучный телефон, а он, зараза, как назло, запутался в подкладке.

Моего красноречия не хватало описать взгляд Жени. Океаны нежности? Ха, да он так побледнел, что лицо потерял. Мне показалось или его зелёно-голубые глаза напитались оттенком стужи? Боже, от обиды хотелось плакать.

Так испоганить трогательный момент могла только я!

– Господи, выключите уже это безобразие! – голос моего начальника перекричал басы трека. Надо же как он разозлился. – Я же давал чёткие указания!

– Простите, – я наконец выловила проклятый сотовый и отрубила звонок.

Полина потеряла меня. Ух, я ей задам! Да и себе не мешало всыпать – какого чёрта не поставила на вибро? В кои-то веки удалось так близко подобраться к Жене!

Мужчина покачал головой и выдохнул.

– Идите, Мария! Скоро приедут заказчики, мне нужно подготовиться, – сказал он холодно, снова склоняя голову к бумагам и теряя ко мне интерес.

Тишина раздавила уши. Я кивнула и развернулась на выход. Но вдруг стало обидно: почему он так болезненно реагировал на музыку, что запретил радио в офисе и разрешил только вибро режим телефона?

Про это мало распространялись. Указания просто приняли как причуду большого начальника. Похоже, только меня это сильно задевало.

Он не любил всю подряд музыку или выборочно? Допустим, не всякому нравился тяжёлый рок, я лично не перева-

ривала рэп, но были же и более лёгкие стили: эмбиент, ландрж. Классика, на худой конец.

– Евгений Юрьевич, а вы совсем никакие жанры не признаёте? – выпалила я быстрее, чем задумалась о последствиях.

Что я себе позволяла? Ненужная сейчас гордость заставила меня вскинуть подбородок. Ох, Машка, заплатишься ты за этот выпад. Тебе бы промолчать, смиренно склонить голову и ретироваться, как и сделала бы Мария Иванова.

Но кто-то выпустил Керис.

Это мой сценический псевдоним. Музыкальная индустрия: фанаты, коллеги по «Фосфору» и другим группам – знают меня под этим ником.

Женя поднял голову и с удивлением посмотрел на меня.

– Хотите обсудить со мной этот вид искусства? – жёсткие нотки уплотнили голос.

Казалось, сам воздух вокруг меня сжался, а мурашки снова потекли по плечам, груди, ногам. И как он так мог? Кто научил его контролировать чужое тело?

Да, я безумно хотела обсудить с ним и музыку, и всё на свете. Но... И тут в груди стало больно – ему это не нужно. Я покачала головой, а Евгений повторил:

– Вы свободны, Мария.

Я взглянула на его склонённую голову, на тёмные волны густых волос, высокий лоб, длинные ресницы, и вздохнула, едва сдерживая слёзы. Недостижимый.

Развернувшись, я зашагала к выходу.

* * *

Нереально длинный и перенасыщенный событиями день не торопился заканчиваться. Сегодня я специально пришла пораньше, чтобы успеть вечером на концерт, но к четырём часам уже уработалась так, будто неделю из офиса не вылезала. Сначала это столкновение с Женей, потом скоростное завершение проекта, выходка Жабы, и на десерт – разыгравшаяся драма между родственниками, свидетелем которой я невольно стала. Хорошо, что сегодня пятница, завтра отдохну и высплюсь, а уже вечером разгружу мозг на сцене.

Пока я шла на своё рабочее место, мои мысли занимал Егор. Да, впервые за долгое время я думала о другом мужчине, не о Жене. Просто до этого момента я не знала, что у него есть брат. Да ещё такой своеобразный. Но, похоже, не я одна пребывала в неведении.

Мне даже не пришлось спрашивать: едва я вернулась, как Полина принялась рассказывать, как на проходную заявился незнакомый парень и потребовал босса.

– Позор-то какой! – с жаром шептала Краснова. – Он орал матом на Евгения, а все это видели и слышали. Пожалуй, я опущу нецензурные эпитеты, но тот пацан будто нормальных слов вообще не знал, одни ругательства. Селиванов его быстро сграбастал и куда-то увёл.

Знамо дело, куда. Меня до сих пор потряхивало от прожитой сцены. Но удивление и досаду я изобразила мастерски:

– Надо же! Вот чёрт, такое пропустила, пока проектор настраивала! А что за парень?

– Понятия не имею, впервые видела. На заказчика не похож ни по выражениям, ни по одежде. Супер наглый и упрямый хам. Прямо на дыбы встал: «никуда не уйду, пока не поговорим!». А где твои очки кстати? – вдруг заметила она.

Меня так и подмывало рассказать подруге о своих приключениях, но я вспомнила, что обещала Евгению «забыть» о случившемся, и посетовала на неуклюжесть:

– Уронила на лестнице. Раскололись в хлам, теперь только новые покупать.

Полина сразу поверила – ожидаемо от меня.

Я невероятно умело поддерживала образ стеснительной, неприметной и неловкой сотрудницы офиса, скрывая любые проявления музыкальной индивидуальности. Безынициативная, мало коммуникабельная, никаких управленческих качеств, но ответственная, исполнительная и трудолюбивая – готовое резюме на Марию Иванову.

Я огляделась: кости начальнику никто не перетирал, все тихонько работали. Это немного успокоило – не хотелось, чтобы по офису гуляли сплетни. Если Женя скрывал наличие брата, значит, так было нужно. Я такого придурка тоже скрывала бы от общественности. Да и вообще, у каждого свои секреты. Мне ли не знать...

Но что у них вышла за размолвка? Я мало поняла из воплей Егора и, жутко заинтригованная, полезла искать информацию о нём в Интернете.

Его личность не была засекречена, и я сразу узнала на фотках того самого грубияна. Двадцатитрёхлетний Егор оказался довольно популярной личностью. Гугл выдал больше ста тысяч результатов. У него даже имелась персональная страница и, читая Википедию, я всё сильнее поражалась контрасту между братьями.

Более известный под псевдонимом Император, младший Селиванов являлся трилл и клауд-рэп исполнителем, приверженцем «новой школы» рэпа. Три альбома, несколько совместных микстейпов¹ с другими исполнителями и длинный список треков. Плотность незнакомых слов на страницу зашкаливала. Ни поджанр рэпа, ни принадлежность к какой-то там школе, мне ни о чем не говорили – от индустрии хип-хопа я была так же далека, как Нептун от Солнца, и естественно никогда прежде не слушала Императора. Но решила восполнить пробел при первом же удобном случае.

На «YouTube»-канале Егора обреталось семь с половиной миллионов подписчиков, а клипы переходили в просмотрах за сорок лямов. Во сколько же раз это превосходило статистику скромного канала группы «Фосфор»? Лучше не счи-

¹ *Микстейп* (англ. *mixtape*) – тип звукозаписи, сборник песен, записанных в определённом порядке, представляющий смесь музыкальных фрагментов, собранных в композицию.

тать, чтобы не расплакаться.

Но меня больше поразило другое: у Жени брат – музыкант? Как такое возможно? Уж не из-за Егора ли он ненавидел музыку?

У меня аж сердце забилося быстрее от того, что, возможно, я подобралась к разгадке волновавшего меня вопроса. Конечно, не красиво копаться в чужом белье, но Женя мне важен, я хотела узнать его ближе, и всё, происходящее с ним, имело для меня значение.

Хорошее оправдание, да? Рассудив так, я продолжила допрашивать Гугл.

Ещё Егор упоминал какого-то Кайзера. Это тоже оказался рэпер, а первой ссылкой вылезало видео, озаглавленное «Скандал века!! Война монархов!!». Но посмотреть его мне не удалось, потому что Полина начала проявлять интерес к творящемуся на экране моего телефона. Пришлось свернуть расследование.

Чёрт бы побрал женское любопытство! Ага, ругаю Полю, а сама не усидела под столом. Дождалась бы, пока братья разошлись, и потом вылезла. Так нет же! Высунула любопытный нос. Чувство стыда окутало меня как дым костра. Неприятно не то слово.

Но... одновременно с этим, дыхание перехватывало от сладостных воспоминаний нашего случайного объятия с Евгением. Господи, как же мало нужно влюблённым – прикосновение, взгляд, улыбка – и витать в облаках весь день. А

вернее, оставшийся час.

И вот, по его истечении, я уже собиралась домой. Полина напоследок поинтересовалась, не передумала ли я пойти с ней, но я с улыбкой отказалась.

Жила я близко, и добиралась до квартиры за двадцать минут. Главное успеть нырнуть в метро до основного потока людей. Алина – подруга, с которой мы вместе снимали хату – ещё не пришла с работы. Я перекусила и, включив деткор на ноутбуке, стала собираться на концерт – музыка помогала создавать верный образ Керис. А он, надо признать, разительно отличался от внешнего облика Маши Ивановой.

Можно было подготовиться и в гримёрной концертного зала, но мне нравилось выходить на улицы «при параде». Нет, не эпатировать окружающих – в Москве внешним видом мало кого удивишь – просто так я чувствовала своё отличие от серой массы.

Это моё противоядие от офисной жизни. Свою дозу «стадности» я получала днём, сливаясь с толпой, сейчас же меня грело осознание, что Керис – одна-единственная, неформатная и исключительная. Что я исключительная.

Я распустила волосы и нанесла на них мелком кобальтовый оттенок. Натуральный цвет у меня русый, поэтому и синий выходил насыщенным. Я не могла обзавестись таким тоном на постоянной основе, а мелки смывались с первого раза, и можно было менять оттенки от голубого до сапфирового. Иногда я добавляла пряди других цветов – белого или

фиолетового, но не в этот раз.

Побрызгав волосы термоспреем, я накрутила их на электробигуди, а сама в этот момент занялась макияжем. Ярким, броским, кардинально меняющим моё лицо.

Я достала из шкафа сценический костюм и облачилась в него. Неострые шипы покрывали плечи и спину кожанки и бёдра узких брюк. Под куртку я надела белый топ, изрезанный на полосы и ремень с патронами, тот самый, которым предлагала выпороть Егора. Туфли на шпильке заменила сапогами со шнуровкой на низком каблуке. Я добавила серег и цепочек, а после сняла бигуди и взбила завитые волосы.

Вот, кажется и всё! Оглядев себя в зеркало, я улыбнулась тёмно-красными от помады губами, подхватила рюкзачок и была такова.

Глава 3. Вторая ипостась

Керис совсем другая. Она весёлая, смелая, живая. Я всегда ощущаю это на репетициях, концертах, интервью и прочих мероприятиях, связанных с группой. Меня будто подменяют. В такие моменты я воспринимаю своё «дневное я» маскировкой. Или даже чьей-то жизнью, но точно не моей. Мы все играем роли, а у меня более явное разделение, но, даже несмотря на то, что «живу» в концертных залах, «дышу» я в офисе, когда вижу Евгения.

Вот и как определиться, какое из моих «вторых я» первое?

Со станции метро до «Нефелима» меня провожала чёрная толпа. Нестройный поток вливался во всё разрастающееся море неформалов у главного входа. Несколько человек попросило фото со мной. Приятно, что узнали, хотя «Фосфор» сегодня – группа на разогреве у шведских дет-металлистов «Doomsday Machine».

Я вошла в двери чёрного входа, и в душе поднялась лёгкая рябь волнения – ребята круты и знамениты, тут не поспоришь, и «Машину Судного дня» раскрутили по полной. Я почти не сомневалась, что они сегодня отождут, и предвкушала хоть из-за кулис посмотреть на феноменальное выступление. О знакомстве уж и не мечтала.

У них на вокале тоже девушка – Александрия Юханссон. У неё невероятно сильный голос, она всегда характерно рычала и хрипела, тогда как я иногда пела чистым. Юханссон – несомненный идол, она носила звание «самой горячей цыпочки в металле», а хиты и альбомы группы неоднократно занимали верхние строчки различных топов и рейтингов Швеции, Америки и России. У них даже номинация на шведское «Грэмми» имелась.

Собственно, поэтому я и волновалась – чтобы не ударить в грязь лицом перед такими «монстрами». Понятное дело, что встретят «Фосфор» не так горячо как шведов, но только от нас зависит, как проводят. Уж я-то приложу все усилия, чтобы спеть не хуже фрекен Юханссон. Выше нос, Керис!

Когда я распахнула дверь и перешагнула порог, в небольшой гримёрке оказались все члены банды «Фосфор». По обыкновению, каждый занимался, кто чем. Первым моё появление заметил высокий подкачанный шатен – наш гитарист.

Глеб Гордецкий крут, и с этим никто не брался спорить. Инициатива сколотить банду исходила изначально от него, хоть и воплощал он идею в жизнь вместе с однокурсником-басистом Виталием. К тому моменту Глеб уже три года совершенствовал своё гитарное мастерство и играл сессионным музыкантом в разных коллективах. И после последнего временного сета, подумал, что зря распаляет силы и обаяние на чужие проекты, и решил вкладываться только в своё.

Найти единомышленников оказалось не так сложно, как удержать. Расхождения во взглядах несколько раз раскалывали коллектив, и приходилось начинать с начала. В основном, камнем преткновения выступал сложный характер Глеба – не всякий уживался с его амбициями и гордыней, перекрывающими даже харизму вокалиста. Гордецкий видел за микрофоном девушку, но две солистки, «сделавшие ручкой» несколько поколебали его уверенность, и ради эксперимента ребята пригласили парня. Ха, тот сбежал ещё быстрее капризных леди. Чёрт бы побрал этих мужчин с их жаждой лидерства и извечным соперничеством. Меня же всё устраивало: как и любому артисту, мне нравилось внимание поклонников, но тщеславие одолевало меня в меньшей степени, чем основателя группы.

Самолюбие Глеба подпитывала интересная внешность. Гладкие каштановые волосы едва касались плеч. Судя по крупному носу, большому рту, квадратному подбородку и широким скулам, небесный скульптор не шибко старался, вытачивая лицо парня, но эта грубоватая резкость лишь подчёркивала брутальную мужественность Гордецкого и повышала его обаяние. Татуировки тянулись к ушам разноцветными линиями из-под ворота чёрной майки с весёлой мультяшной единорожкой. Глеб забил грудь, намеренно оставив чистыми мускулистые руки. Я нередко замечала, как он любовался рельефом наработанных в тренажёрке мышц.

– Хай, Керис! – поправив ассиметричную чёлку, он мах-

нул мне рукой.

– Всем салют, – поздоровалась я, проходя.

Виталик что-то обсуждал с Семёном, но тут же обернулся ко мне. Бородатый басист – единственный, кто легко ужился с супер-Глебом, благодаря кротости характера. Друзья были на контрасте: шустрый яркий Гордецкий и спокойный сдержанный Болдин. Удивительно, но даже его светлые волосы до плеч вились мягкими волнами, а приятная улыбка и кроткий взгляд пробуждали некую внутреннюю умиротворённость.

Этих двоих я с гордостью могла назвать своими друзьями, а вот с остальными ребятами общалась мало, но, насколько успела узнать клавишника Семёна и ударника Вадима, они были замечательными ребятами, жизнерадостными и нескучными. Семёна освежал тяжёлое звучание пронзительно красивыми и глубокими мелодиями, а барабаны Вадима создавали основу, на которую мы все нанизывали каждый своё, чтобы получилась неповторимая энергичная композиция.

– Привет, Маш. Как дела? – Виталик чаще звал меня по имени.

Он сегодня надел синие джинсы и тёмную джинсовку, рукава которой закатал до локтей. Никаких шикарных мускулов, но как по мне, небольшая полнота ему даже шла. Я не могла представить Болдина дрыщем или качком. Мой друг мне дорог таким, как есть – с этими круглыми щеками,

немного выпирающим животом и крупными плечами.

– Очешуенно. Даже не верится, что вся эта круговерть пришлась на один день, – выдохнула я, быстро промотав в памяти события.

Все мы относились к работе как к необходимости, ведь пока не могли позволить себе зарабатывать музыкой. Концерты окупались впритык, большой прибыли не приносили, на запись треков, клипы и альбомы мы всё равно вкладывали свои сбережения. А чтобы их брать откуда-нибудь, приходилось работать.

Семён, будучи чуть старше и серьёзнее, батрачил мастером на заводе, Вадим, как самый молодой в коллективе, учился и подрабатывал официантом в рок-кафе, Виталик трудился графическим дизайнером, а Глеб – на фрилансе, вечно ввязывался в разные авантюры, но доход получал. Я удивилась бы, если нет. Всё-таки голова у него варила.

– Снова весь день на шесте? – шуткнул Вадим, и я подарила ему осуждающий взгляд.

А всё началось с того, что я как-то рассказала свой обычный день в офисе, и парням показалось это заразительно скучным занятием для такой дивы, как Керис. Они наперебой начали озвучивать, несомненно, лучшие варианты. В ходе жарких обсуждений, я «примерила» кучу профессий, от уборщицы и секретарши до летчика-испытателя, драгдиллера и следователя-криминалиста. Но единодушно парни сошлись на роли элитной стриптизерши. И, естественно, «для

своих» я должна была танцевать бесплатно.

Я повесила рюкзачок на спинку стула и уселась, расслабленно вытянув ноги.

– Ничего, твоя усталость пройдёт, когда услышишь охрентельные новости, – заверил меня Глеб.

Танцующей походкой он прошёл к гримировочному столу и уселся на него. Голос у Гордецкого звучал воодушевлённо, и я заинтересованно глянула на него.

– Хорошие новости всегда к месту, – качнула я синей шелюрой. – Давай, колись!

– Итак, – парень сложил руки и выпрямился. Он не был бы Глебом, если бы не потомил немного. – Я, наконец, уломал Лизу, она даст волков на клип!

– Правда? Супер! – я подпрыгнула на стуле и подалась вперёд.

– А я говорил, что новость – отпад! – Гордецкий довольно улыбнулся и откинул чёлку с глаз. – Я договорился на эту субботу, едем, как и хотели, на заброшенную мельницу в Юрятино. Насчёт тачки схвачено – Тарас снова с нами на своём минивэне. Лиза попросит знакомого с фургоном привезти живность, а мы заплатим ему за дорогу.

– Не вопрос, – кивнула я. – Обалдеть, и как ты сразу всё утряс? Молодец!

– Умею, могу, – вскинул бровь Глеб. – Должен же кто-то из вас быть не только красивым, но и умным, – хохотнул он и поддел локтем Семёна.

Восточные корни, несомненно, одарили нашего клавишника привлекательной внешностью, но зря Глеб принимал сдержанность и молчаливость парня за признак отсутствия ума. Не все такие бессовестные болтуны, как он. Вот, Семён даже не обиделся.

Но новость реально зашкаливала. Мы не первый месяц бились над клипом на «Потерянную планету», снимая понемногу в разных местах. Мы уже побывали на песчаных дюнах в Сычево, а также на известных каменоломнях и заброшках Московской области.

А на мельницу Глеб зарился давно. Что его туда так тянуло, не знаю. Может историчность места? Я читала, что немцы занимали объект дважды. К сожалению, от мельницы сейчас остались только стены, исписанные неформалами. Вот монтажёр запарится всё это подтирать. Хотя изнутри будет смотреться неплохо.

Надеюсь, фантазия Глеба не разгуляется и не заставит меня лазить по разваливающемуся сооружению, а то он частенько придумывал подобные испытания прошлым вокалистам.

В этот раз задумка состояла в том, что я приходила в себя в пустыне и шарахалась по разным заброшенным людьми местам, потому что осталась единственным выжившим человеком и озадачилась причинами исчезновения цивилизации. Животных, я, напротив, встречала в изобилии, но они сторонились меня. Глеб уже снимал лисицу, игуан, змей и

орла. Компьютерная графика обеспечила бы бóльший размах, но Гордецкому хотелось достоверности. Апогеем должны были стать волки, которые кинулись бы на меня, едва заведя на заброшенной мельнице. Но за секунду до того, как они перегрызали мне глотку, я зверела и сама обращалась в волчицу. По задумке вокалиста люди превратились в животных по своим инстинктам, и на меня напали представители вида, к которому я принадлежала, остальные не трогали.

– А они Машу не загрызут? – с опаской поинтересовался Виталий.

– Конечно, нет. Лиза же их дрессирует. Они ласковые как послушные собаки, да и молодые ещё, – заверил его Гордецкий. – Тем более, неужели ты думаешь, Керис позволит кому-либо покусать себя?

– Истину базаришь. Без согласия – однозначно нет, – хихикнул басист, чем заслужил мой укоризненный взгляд.

Будучи единственной девушкой в банде, я уже привыкла к таким заигрываниям и подколам. Похоже, инстинкты между полами не отменить, как бы ни была крепка дружба.

– Так, Маш, знакомую подряжай, которая визажист-парикмахер, – сказал Глеб.

– Договорились, скажу. Надеюсь, она и в этот раз не откажет, – кивнула я.

Воодушевлённые мы поболтали ещё немного, а после начали готовиться на выход. Сообщение Глеба избавило меня от переживаний о предстоящем концерте, и к сцене я шла в

полной уверенности, что мы отыграем на уровне. На уровне «Фосфора». Зачем равняться на кого-то? Шведы бесспорно круты, но мы хороши по-своему, и в зале есть люди, которые с удовольствием послушают, как заграничных гостей, так и местную команду.

К сцене мы по нашей традиции бежали вприпрыжку. Неопишуемые ощущения, когда несёшься узкими коридорами, крича и улюлюкая, а ответные вопли толпы становятся всё слышнее. И трепет внутри нарастает до пика, пульс радости учащается, а лёгкость и эйфория окутывают тело. А после сжимающие тебя стены резко расширяются до просторного концертного зала, и эта ширь поглощает хрупкое тело, бесцеремонно вторгаясь в сердце. Которое и так уже поработано музыкой.

О любимом действе я могла говорить много и долго. Рок вызывал зависимость уже сам по себе, ему не нужны химические стимуляторы. Первые шаги под оглушающие восторги зрителей – это нереальный наркотик, а подседа я плотно.

Глеб и Виталий вышли первыми, чтобы подключить гитары, и, если, проделав это нехитрое действие, Болдин просто стоял и махал, то Гордецкий пожимал тянущиеся к нему руки. Подняв палочки над головой, за установку пробежал Вадим, а Семён вышел как обычно медленно и гордо. Когда отзвучало вступительное соло визжащей гитары Глеба, на сцену выскочила Керис и огласила зал приветственным гроулом, несколько раз крутанула головой, подметая волоса-

ми пол, а после включилась в песню по-настоящему.

Бас глухо рычал, как расерженное животное, а трепетная мелодия синтеза умело переплеталась с отборной барабанной дробью и основной линией, задаваемой соло-гитарой.

Потрясающие эмоции. Чем сильнее я заражалась концертной эйфорией, тем больше мне хотелось носиться по сцене, прыгать, мотать головой, двигаться, жить...

Пропевая каждую ноту, гроуля каждое слово, я чувствовала музыку в себе, дышала ей. Под мигающим светом, в звуках песен, в создании которых принимала участие, мы с ней становились неделимым целым. И никому не под силу было разрушить эту спайку.

Всё-таки вокалисту обязателен контакт с залом. Мне важна каждая поднятая вверх рука. И не суть, показывала ли она «рога дьявола» или держала камеру – этот человек не оставался равнодушным, его сердце билось в такт с моим, его одолевали те же чувства, что и меня, когда я смотрела в зал. Подпрыгивающий, качающийся, живой, как вздымающаяся от вдоха грудь. Не грех отдаться всепоглощающему чувству единения.

Несколько быстрых песен сменились медленной композицией – этот трек мы расценивали как передышку для всех. По лбу Виталия уже ползли капли пота. Я тоже разгорячилась, но стойкий макияж держался. А Полина зазывала меня на танцы, да у меня тут такие пляски, что никакого экстраспорта не надо.

Тексты для «Фосфора» писал преимущественно Глеб, процент же моих был не велик. Но я с огромным удовольствием пела песни его сочинения – лирика Гордецкого воодушевляла, бодрила и пробуждала внутренние страсти. Он часто писал о революциях, победах, битвах с системой и страхами, про веру в себя и Человека. И когда я пела его песни, то ощущала невероятный душевный подъём и старалась вокалом передать мысли друга.

Тексты, которые писала я, горчили, отражали тёмную, правдивую сторону вещей, ведь не бывает чисто чёрного или белого. Гордецкий принимал мои творения, и такие эмоциональные качели стали одной из фишек «Фосфора».

Отведённые нам сорок минут пролетели незаметно. На последних, самых «горячих» песнях, мы выложились по полной и покинули сцену с таким сожалением, будто здесь прижились. Нам казалось, что и публика отпускала нас нехотя. Провожающие крики по громкости превосходили встречающие, а это значило, что мы им понравились.

Разгорячённые и счастливые, мы поклонились и, распрощавшись со ставшими дорогими сердцу поклонниками, потянулись за кулисы.

– Это лучший концерт! Вот так отыграли! – восхищался Вадим, салютуя большими пальцами обеих рук, которые он только что освободил от палочек, бросив их в зал.

– Ты каждый раз так говоришь, – хмыкнул Семён, но широкая улыбка не сходила и с его лица, а капли пота покрыли

смуглый лоб.

– Так эмоции шкалят!

Смеясь, мы шли по коридору к своей гримёрке под затухающие овации. Дверь к соседям-шведам была распахнута, и Глеб шикнул, чтобы мы убавили громкость нашей радости. Но проходя мимо с чинным спокойствием, сложно удержаться и не засунуть любопытный нос в проём. А что? Хотели уединения, нужно было закрываться.

Незнакомый и необычный на слух витиеватый язык заполнял комнату многоголосьем. Рассмотреть всех досконально не хватало времени, я насчитала шестерых крупных длинноволосых мужчин и двух таких же нехрупких женщин: группа в полном составе и несколько менеджеров.

А что если зайти, поздороваться, выразить респект? Или не навязываться? Техники группы уже начали пересменку, команде выходить на сцену через полчаса, может больше. Кто знал, насколько они дружелюбны, и говорили ли по-английски. Глеб тормознул, было, на пороге, но Виталий подтолкнул его в спину и помотал головой.

Только шум в коридоре всё равно привлёк внимание музыкантов.

– Эй, ребята! – остановил нас басовитый мужской голос.

– Это же они сейчас выступали? Я хочу познакомиться, – сказал женский мелодичный голос на превосходном английском.

С дивана поднялась приземистая молодая женщина. Она

двинулась к нам, и тёмно-красные завитые волосы запрыгали от пружинящих шагов. Серо-чёрные тона теней выделяли глаза, а красная помада очерчивала губы, но яркий макияж не утяжелял черты лица, они всё равно оставались тонкими и нежными, а светлый, чуть голубоватый тон совершенной кожи напоминал о снежной стране, откуда женщина была родом. Чёрный комбинезон с шортами обтягивал плотную фигуру, лакированные сапоги доходили до колен. На обнажённом плече расцветали ромашки татуировок, обрамляющие личико девочки, а на полноватом бедре вырисовывался замысловатый переплетающийся узор.

– Привет. Меня зовут Александрия Юханссон, – поздоровалась шведка, протягивая руку, хотя я и так уже узнала её и пялилась во все глаза.

Её ладонь оказалась мягкой и тёплой, под стать ласковому взгляду, а я поверить не могла, что вокалистка «Doomsday Machine» сияет улыбкой и разговаривает с нами.

– Я Керис, – справилась я с заартачившимся языком. – Очень рада знакомству. Для нас честь выступать вместе с вами!

Хорошо, что прилежно учила языки в университете. Я не полиглот, но английским и французским владела хорошо. Жаль, шведский нам не преподавали – было бы круто выдать что-нибудь на их родном языке. Вот они удивились бы. А следом за Юханссон, польщённо кивая, потянулись знакомиться остальные члены команды.

Александрия разулыбалась ещё больше и склонила голову:

– Спасибо большое. Нам важен такой отклик. Кстати, ребята, вы хороши! Мы тут услышали вашу игру и сходили посмотреть поближе.

– Да-да, классно! Очень понравилось! – с диким акцентом произнёс дюжий малый с длинными волосами до пояса, а двое других подняли большие пальцы вверх.

Я раскрыла рот от удивления. Похвала от самих монстров дэт-метала? Как в такое поверить? Посмотрев на своих парней, поняла, что те тоже в сладостном ошеломлении. Но сюрпризы на этом не закончились. Александрия вдруг повернулась ко мне и положила ладонь на моё плечо:

– У вас большое будущее, не останавливайтесь. Мелодичная тяжёлая музыка – отлично, но мне больше понравился вокал, – подмигнула она мне, и теплота её взгляда стала практически осязаемой. – Сильный, красивый. Ты молодец!

– Да, наша Керис – не промах, – непонятно каким боком Гордецкий приписал похвалу на свой счёт, я же не могла вымолвить и слова – так была поражена.

– Огромное спасибо! Вы так добры! Невероятно! – наконец нашлась я, рдея от комплимента. Кажется, даже слёзы на глаза навернулись. Я так боялась встречи с фрекен Юхансон, а она похвалила меня! Какая же она хорошая!

Мы поговорили ещё немного, но вскоре за спинами музыкантов замаячил бородатый мужчина со строгим лицом. Он

сказал что-то по-шведски, и ребята заторопились.

– Извините, пора готовиться. Приходите нас посмотреть! – попрощалась Александрия.

– Обязательно придём, – пообещал Виталий, и шведы скрылись за закрытыми дверями, а мы, потрясённые и счастливые, ввалились в свою гримёрку.

– Офигеть, они нас похвалили! Круто! – выпятив грудь колесом, Глеб прошёлся по комнате. Кто бы сомневался, что встреча с иностранцами в первую очередь потешит самолюбие Гордецкого.

– Алекса классная! Кажется, я втюрился, – признался Вадим.

– Она в два раза тебя старше, ш-сынок, – отозвался Глеб с присвистом, как суслик из мультя про Винни-Пуха.

– А я люблю женщин постарше, они опытнее и горячее, – нашёлся «ш-сынок».

Гримёрку заполнил смех и радостный гул восклицаний – о напророченном успехе парни мечтали с энтузиазмом. Лишь я не принимала участия, пребывая в ступоре. Нет, в себе я не сомневалась, прекрасно зная возможности голоса. Я не предполагала, что нас так высоко оценят, ведь о своих шансах не задумаешься, пока не натолкнут на мысль. Не верить шведам, у меня не имелось причин: иностранцы обычно раскрепощёнее русских, а творческие иностранцы – и подавно.

До этого концерта нам не удавалось так доверительно поговорить с хэдлайнерами. Канадцы в прошлом году обща-

лись сдержанно, англичане не казали носа из гримёрки, тщательно выдерживая уровень, лишь горячие финские парни были не прочь поболтать, но их менеджер следил за временем. Всё-таки шведы оказались свободнее в этом плане.

– «Наземное управление вызывает майора Тома», – от размышлений меня отвлёл Виталий. – Маш, ты в порядке? Тебя что-то расстроило? – он обеспокоенно глянул на меня и подошёл.

Люблю эту старую песню. Я тут же сбросила оцепенение, улыбнулась и легонько ткнула басиста в плечо:

– Нет, всё супер. Просто задумалась. Земля, внештатных ситуаций нет.

– Тогда ладно, – смирился Болдин и протянул мне бутылку воды. – Пить хочешь? Береги свой голос, даже Юханссон от него в восторге.

– Ты преувеличиваешь, – засмеялась я, но минералку взяла.

– Неа, – покачал головой Виталий и подмигнул, – оцениваю по заслугам. Шведов слушать пойдём?

– Спрашиваешь! – цокнула я языком.

К сцене мы отправились, основательно отдохнув и проводив Семёна на работу в ночь. Идя по коридору, Вадим с Глебом обсуждали, в какой рок-бар пойдём после концерта, а я заранее согласилась на любой. Сильно праздновать я не собиралась. Это сейчас остаточная эйфория подпитывала тело, но стоит напоить его – Керис уснёт сладким сном.

Начало выступления шведов мы пропустили и попали в самый разгар.

И это реально было жарко!

Александрия носилась по сцене, гортанно и сипло рычала, как только она одна умела – мощно, громко, офигенно! Гроул разрывал пространство концертного зала, шатал стены и вызывал оглушительные крики восторга. Женщина лихо лавировала между гитаристами. Подвижная и живая, она приковала к себе внимание. Завитушки волос бились о спину и плечи, когда она трясла головой.

Юханссон профи, бесспорно. Чёрт, меня и саму так пробрало мурашками, что я завизжала, будто кто-то неистово защекотал пятки.

Я выдохнула только, когда Александрия пропела три песни. Я не могла налюбоваться на её сияющие глаза и завораживающую улыбку, а сильный хрипящий вокал будоражил похлеще удара током. Не верилось, что эта чудесная женщина так запросто разговаривала со мной недавно, что ей понравилось наше выступление и мой вокал. Её искренность согревала.

А ещё мою грудь наполняли невероятная признательность и симпатия. Я наслаждалась концертом «Doomsday Machine» и от души желала группе громогласного мирового успеха. Уж я-то, после сегодняшнего вечера, однозначно буду следить за их творчеством.

Час пролетел мигом. Я поняла, что выступление хэдов

подходит к концу, только когда группа, провожаемая нарастающим ликованием, потянулась за кулисы. Осталась всего пара песен на «бис», и шоу подойдёт к концу.

Я собралась отойти, чтобы пропустить музыкантов, как вдруг Юханссон подбежала прямо ко мне и сграбастала в жаркие объятия. Терпкий цветочный аромат, исходивший от её разгорячённой кожи, окутал меня как облаком.

– Керис, как хорошо, что ты здесь! Споешь со мной последнюю песню? Это кавер на «Space Oddity». Ты её, наверняка, знаешь.

Знаю ли я? Боже, конечно! Мы с Виталием только что её вспоминали! Но ответить Александрии я не смогла – так меня ошарашило предложение. Спеть вместе? И она предлагала мне это вот так запросто? Она же, блин, звезда, а мой уровень...

– Керис? Чего молчишь? Не отказывайся! – Глеб толкнул меня в бок.

– Ай, – тихонько вскрикнула я – от притока азарта он не рассчитал силы. – Да я и не думала отказываться. Просто это... так неожиданно! – призналась я растерянно.

Прощальные возгласы затихали, оставляя звон в ушах.

– Всё будет хорошо, – Александрия повела меня по коридору. – Я начну, а ты выйдешь на припеве, подхватишь гроулом, а после споешь второй куплет чистым. Как тебе идея?

И когда она это придумала? Пока пела? Или когда меня увидела? Господи, какая разница! До меня, наконец, дошла

вся важность предлагаемого предприятия.

– Замечательная идея, – проговорила я спокойно, когда хотела прыгать от радости. – Спасибо, что не сомневаетесь во мне!

– О чём ты! Я же слышала, как ты поёшь. Не волнуйся!

Для меня это был сон, по чьему-то замыслу ставший реальностью. Я слышала, как Юханссон рассказывала, в какой тональности мне петь, какой строй гитар и прочее. Я музыкант, и хоть не оканчивала специализированного университета, слух у меня имелся, я подстроюсь. Но если в пылу беспокойства забуду текст, никакие таланты меня не спасут. Опростоволоситься непозволительно.

Я постаралась унять волнение и вспомнить слова. Мне удалось: знакомые строчки выпархивали из закромов памяти друг за другом как жемчуг, нанизанный на цепочку.

Вернулся гитарист «Doomsday» с новостью. Пока мы топтались в коридоре, он известил менеджера. Тот дал добро. Скоростную репетицию мы провели за несколько минут в ближайшей репетиционной, пока барабанщик занимал публику сольным выступлением.

И вот мы уже шагали к сцене...

Друг за другом шведы вышли на сцену под неистовые восторги публики, а я осталась стоять, теребя в ладонях микрофон. Песня зазвучала, а у меня начался мандраж. Руки и колени затряслись, ещё минута – и застучат зубы.

– Маша, ты справишься, всё будет хорошо, – сказал кто-

то рядом.

Это оказался Виталий. Он взял меня за руку, и я резко повернулась к нему – его ладонь показалась мне обжигающей. А всё потому, что моя собственная промёрзла.

– Не первый раз выступаешь. Тем более, сегодня ты уже работала с этой публикой, они тебя приняли. Считай, не чужие. Песню ты знаешь, Алекса тебя поддержит, всё пройдёт отлично! – успокаивал меня друг, а я внимала его вкрадчивому голосу, с удивлением отмечая, что страх постепенно отступал.

– Ты профи! – Вадим подтолкнул меня в плечо. – Очень крутая, что ещё раз доказала. Сама Юханссон зазвала тебя на сцену! Не кого попало, а тебя! – сказал он завистливо.

А ведь ребята правы: не дело робеть как дилетант на первом выступлении!

Тут и Глеб решил внести лепту в поднятие моего боевого духа. Гордецкий сложил руки на груди и придирчиво осмотрел меня:

– Бледновата, но так ещё красивее. Давай, Керис, запали этот зал! Удачи!

– Спасибо вам, – сердечно поблагодарила я парней, чувствуя себя увереннее.

Они расступились и отошли. Оставались считанные секунды до выхода. Юханссон повернулась в мою сторону и приглашающе качнула головой. Я кивнула, вдохнула поглубже и шагнула под прожектора.

Зал бурно отреагировал на моё появление. Разогретый, заведённый, сейчас он обрадовался бы любой движухе. Отклик мне польстил и окончательно расслабил. Сильный вокал Александрии вёл меня, и мой собственный голос, чуть тихий поначалу, расходился, пока не набрал силу к куплету. И я не просто пела, я делилась эмоциями, показывала, что у меня на душе, отдавала часть себя, дарила любовь.

Да, сейчас я особенно остро это ощущала: любовь к себе, к людям, окружающим меня, к миру и космосу. Она витала в воздухе, и любой мог вдохнуть её, почувствовать, закричать от радости и запрыгать от восторга. Каждый мог осознать свою целостность и значимость, постичь нерушимую единящую силу, заставляющую сотни незнакомцев чувствовать себя семьей.

У меня не возникло трудностей петь под аккомпанемент других музыкантов. Я чувствовала тесную связь с ними. Шведы играли мощно, свободно, раскрепощено. К последним строчкам в моей груди назрел восторг, который выплеснулся взрывным хриплым гроулом. И тут же потонул в ликование толпы и финальном соло.

Песня кончилась. Александрия представила членов команды и меня напоследок, а после взяла за руку и вывела вперёд на поклон. Я не могла понять, ватные у меня ноги или деревянные, сердце стучало везде, а уши оглохли от диких криков и взрыва рукоплесканий.

Я посмотрела на шведов, потом в ликующий зал и рассме-

ялась от счастья.

Евгений. Глава 1.

Несчастный случай

Жанна, моя помощница, позвонила после сытного ужина, когда я только разложил документы на столе. Хорошие новости в воскресенье вечером не сообщают, а значит, что-то случилось. Мои опасения подтвердились – скорбным голосом женщина поведала, что сломала ногу.

– Как вы умудрились? – раздосадовано протянул я, откидываясь на вертящемся кресле. Спинка скрипнула под моим весом.

Совсем не такой реакции ждала Яковлева – минорные нотки испарились из её голоса, она заговорила жёстче и раздражённее, будто обвиняла в случившемся меня.

А на что она рассчитывала? На жалость, сочувствие, заботу?

Я уже давно разглядел её интерес к себе. Это невозможно не заметить. Соблазнительная одежда и аксессуары, макияж, взгляды, позы, возбуждающие ароматы. Симпатичная женщина с приятными формами. Да, влечение она вызывала, но поощрять её я не собирался. Хотя и пресекать не торопился.

Теперь я осторожничал с чувствами. И не стремился заводить отношения, не важно какой глубины и серьёзности.

Не хотел никого обнадёживать и сам боялся быть раненым. Да и не годилось терять толкового работника ради однократного удовлетворения зуда в штанах. Всё-таки Жанна во всё вникала, прекрасно справлялась с обязанностями, грамотно распределяла текущие вопросы, отдавая мне на рассмотрение лишь такие, которые не могла решить сама. Она неплохо разгружала меня, а то я только и занимался бы тем, что рыл бумаги. А благодаря ей, мог выезжать на объекты и лично их курировать – то есть делать то, что мне действительно хотелось.

Однако знать этого Яковлевой не обязательно. Мигом пронюхает свою значимость, почувствует власть, а манипулировать собой я не позволю ни одной женщине, какой бы умной и сексуальной она ни была.

Теперь, когда знаю их фальшивую суть...

Слезливый рассказ о неудачном падении и больничные страсти я слушал в пол уха. Я думал о другом. Перелом ноги – это больничный минимум на месяц. То есть я надолго останусь без помощника. Стараясь не паниковать, я перебил женщину:

– Но у фирмы намечается крупная сделка! Реставрация исторического музея. Кто теперь будет оформлять документы? Кто поедет на объект? Кто займётся закупками? И остальными вопросами? – недовольство ело меня с костями без всякого соуса.

Только договорив, я понял, как эгоистичны мои порывы.

Сам не заметил, как не сдержался. Даже устыдился: Жанна со сломанной ногой, а я переживаю о бумажках. Но моя помощница не обиделась, напротив, беспронимательно поймала моё раздражение, и тут же успокаивающе защебетала в трубку:

– Евгений Юрьевич, я всё прекрасно понимаю! Мы справимся, не переживайте, я вас не брошу, а свои обязанности распределю между девочками. Эльза займётся договорами, но она тороплива, ей нужен контроль, чтобы не наделала ошибок. Информация по тендерам есть у Кати, опыта у неё, конечно, маловато, но я её проконсультирую. Так-так... – поцокала Жанна, будто продумывая, как удалённо инспектировать выполнение поручений.

Но я прекрасно понял, куда она клонила. Осознание собственной незаменимости подпитывало это моей помощницы, она знала, что лучше неё никто не справится, и именно так и строила свою работу: чтобы никто не смог подсидеть её.

Какой же я идиот, что позволял это! Начальник проектной мастерской, ага. Обычный мужик, который повёлся на сиськи.

А Яковлева тем временем продолжала:

– Курирование важных объектов я переложу на Полину, она умеет разгрести большие объёмы за короткий срок. Что ж, придётся ей на время задвинуть свои танцы. А расчёты будет подтверждать Лиля. Как бы то ни было, Евгений Юрье-

вич, я по всем вопросам на телефоне, звоните в любое время, всегда отвечу. И не беспокойтесь, на осмотр реставрируемого музея я приеду сама.

– Как это? – выпалил я, а Жанна тут же воспользовалась моим замешательством:

– На такси. У меня ведь нога сломана, а не голова. Я могу работать и дома, и в офисе, и на объекте, меня главное привезти-увезти.

Ага, а такси, само собой, за счёт организации. Яковлева прекрасный сотрудник, но тратить на неё бюджет... Вспышка раздражения перекинулась с зависшего положения на работе на объект моих несчастий. Мне нестерпимо захотелось сделать всё наперекор:

– Нет, что вы Жанна, я вам не позволю рисковать здоровьем! Как вы по стройке будете передвигаться? На костылях? Там небезопасно, вы сами это знаете, не первую неделю работаете. Отдыхайте, а с распределением обязанностей я разберусь.

– Но как же... – залепетала удивлённая Жанна. Она-то считала, что победа за ней.

Что вообще за беспорядок она устроила? Эльзе – одно, Полине – другое, кому-то ещё – третье. Раздаёт указания, будто руководитель фирмы – она, а я так – курьер с письмом.

– Так, Жанна, слушайте, как мы поступим, – строго сказал я. – Катя, Лиля, Лена – это несерьёзно. Когда ответственные пятьсот человек, то и спросить не с кого. Я назначу ис-

полнять ваши обязанности кого-нибудь одного, а вы её хорошенько поднатаскаете. Даю вам возможность выбрать преемника.

– Евгений Юрьевич, один человек не справится, вы только подумайте, какой объём работ вы хотите на него взвалить, – поставленная перед ультиматумом женщина замялась.

– Но вы же как-то справляетесь, – усмехнулся я.

– Это другой разговор, – резко ответила Жанна. – Мне нужно подумать, давайте я приеду завтра в офис, и мы на месте обсудим, кому и что передать.

– Не нужно никуда приезжать, – обрубил я, чувствуя, как тонкие щупальца манипулятора сдавили мне горло. – Вы дадите мне ответ сейчас! – я выпрямился на стуле и нервно провёл рукой по волосам.

– Мне сложно решить сию секунду, – холодно ответила Жанна.

– Да? Тогда я сам выберу претендента, – ответил я, точно попав ей в тон. – Кого вы там называли? Эльзу, Лилю? Так вот... – я собирался ткнуть пальцем в небо, как вдруг вспомнил большие серо-карие глаза, русые волосы, собранные на затылке и испуганно приоткрытые губы, а в ушах раздался хруст крошащихся очков. Видение пронеслось так стремительно, что слова сами сорвались с губ: – Мария Иванова. Согласны?

– Маша? С чего вы вообще про неё вспомнили? – удивилась Жанна. Её голос недовольно исказился. – Ни в коем

случае! Иванова только-только испытательный срок прошла, она многого не знает, ей нельзя доверять ответственные поручения!

На самом деле я ничего не знал о личных и деловых качествах Марии, но проекты она вела корректно, заканчивала в срок, работы не боялась. Но Яковлева знала её лучше, наверное, стоило прислушаться, раз она говорила, что Иванова не справится. Вот только меня насторожило, что Жанна завелась так быстро и высказывалась слишком категорично. Не думаю, что Маша так тупа. Можно и зайца научить курить, как говорится.

– Но ведь прошла же, – надавил я. – Между прочим, Краснова тоже только с испытательного, однако её кандидатуру вы выдвигаете, – подловил я помощницу.

– Евгений Юрьевич, решать, конечно, вам. Но я не советовала бы, – Яковлева проигнорировала моё замечание и чуть поостыла – видимо, почуяла, что каждый её аргумент против только сильнее распалял моё упрямство.

А у меня волосы на голове зашевелились от того, как хорошо эта бестия изучила мой характер. И почему я заметил это только сейчас?

– Послушайте, пожалуйста, я не хочу потом разгребать за Ивановой... В смысле исправлять за ней косяки, – тут я ещё явственнее почувствовал личную неприязнь. – Маша несобранная, неуклюжая, непунктуальная, просто кладёшь всяческих «не»! Девочка способная и с мозгами, но не лидер, она

не сможет должным образом решать важные организационные вопросы, вести переговоры, общаться с людьми!

В чём-то моя помощница была права. Я отлично помнил, как столкнулся с Марией в проходе, но ведь неловкость не порок. А то, что она «подслушала» наш разговор с Егором, так, видимо, у неё, как и у меня, развито умение оказываться в неподходящем месте в неуместный момент.

Что-то больно кольнуло в груди.

– Зачем же вы её занижаете, Жанна? Может, просто никто не давал ей шанса раскрыть свой потенциал? – усмехнулся я, и женщина залепетала что-то протестующее в трубку, но меня больше не интересовало, что она там возражала. Я уже решил. – Рад, что мы пришли к согласию. Завтра Елена Леонидовна оформит приказ на Иванову. Теперь она ваш И.о. Всего доброго. Поправляйтесь! – я не стал больше ничего слушать и оборвал соединение.

Похоже, моя привычка перечить только что сыграла со мной злую шутку. Чего я добился? Настоял на неопытной, неумелой помощнице, о которой совершенно ничего не знал. Зато она теперь знала обо мне такое, о чём не подозревал никто в компании. И о чём я и сам рад бы забыть.

Теперь я понял, почему так упирался – просто срывал злость на Жанне. Спасибо Егору – выбил меня из колеи на все выходные, придурок долбаный.

Ладно, не буду заранее расстраиваться, может, Иванова не так безнадежна, как расписывала Яковлева. Почему-то мне

казалось, что Мария меня ещё удивит.

Я сцепил ладони на затылке, откинулся на спинку кресла и расслабился.

Глава 4. Другие звёзды

Говорят, понедельник – день тяжёлый. Но меня старт трудовой недели не угнетал. Может, секрет хорошего расположения духа заключался в любви к работе, или я просто высыпалась за выходные, и свежая и бодрая приступала к обязанностям? Чего грустить? Хмуриться буду, когда Жаба испортит мне настроение, а пока – не видела смысла.

А ещё я любила первый день недели за новые возможности. Кто-то откладывал решение сложных вопросов на завтра, для меня таким мудрёным утром был понедельник. Я не прокрастинатор по жизни, но предпочитала не выжимать из себя последние силы в вечер пятницы. Если, конечно, заказчику не требовалась срочность. Несколько раз мне приходилось работать сверхурочно, но в основном, я укладывалась в сроки. Потому что грамотно распоряжалась своим временем.

Пока ехала в лифте, пыталась составить расписание первоочерёдных дел. Но настроиться на рабочий лад в этот раз оказалось сложнее обычного: пережитые на пятничном концерте эмоции оказались слишком яркими, и кадры воспоминаний до сих пор вспыхивали перед глазами, как на щедро освещённой сцене.

В своих грёзах я плечом к плечу с Александрией Юханс-

сон и её командой пропевала строчки любимой песни: «и я плыву самым необычным образом, и звёзды сегодня выглядят совсем по-другому».

– Кто выходит на седьмом? – из густого облака мечтаний меня выдернул недовольный мужской голос, и я только сейчас заметила, что кабина стояла на моём этаже.

– Я выхожу! – спохватилась я и рванула к дверям, которые уже закрывались.

Почти прищемив подол юбки, я совершенно не грациозно вывалилась наружу. Нога чуть не подогнулась. Сегодня я готова была проклясть шпильки – после моих прыжков по сцене икры сильно болели. Каблуки выработали у меня дурацкую привычку вставать на цыпочки, когда я без них. Концертная обувь всегда на горке или невысокой тракторной подошве, чтобы не затруднять мои бешеные перемещения – роста я среднего, все мои парни выше меня. Комплекса на этот счёт у меня нет, но разница всё равно чувствуется.

Так, с включением в рабочий процесс меня пока постигало поражение. Пора уже проснуться и задвинуть фантазии на задний план до вечера или хотя бы до обеда, когда я залезу в Интернет и проверю, не появилась ли новая инфа по концерту. Несколько статей местных сетевых газет я уже прочла. О «Фосфоре» отзывались хорошо, дуэт Керис и Александрии всех потряс, а ролики на «YouTube» появлялись каждый час и набирали просмотры и положительные отзывы. Ох ты, снова я уплыла не с теми мыслями.

Сияя улыбкой, как хромированный байк на солнце, и кивая сотрудникам, я пробиралась к своему рабочему месту. А там, на столе возле телефона, поджидал сюрприз – записка, адресованная мне. Я с удивлением пробежала её глазами: «Мария! Срочно подойди в бюро труда». И подпись Елены Леонидовны – специалиста по кадрам.

Сказать, что я удивилась, значит, нагло смолчать. Я перечитала записку несколько раз и тупо уставилась на выделенное «срочно».

Мои действия сейчас напрочь лишились скорости. Почему меня вызывают? Что случилось? Жаба наябедничала, нарыла на меня компромат? Затаила смертельную обиду из-за того разговора с Женей? Вот тварь!

Я выдохнула и обессилено опустилась в кресло. Быстро же испортилось настроение. Сейчас меня вежливо попросят написать заявление на увольнение и «привет горячий». Прощай карьера и любимый начальник.

Он, кстати, уже пришёл и расхаживал по кабинету, листая бумаги в тонкой папке. Казался недовольным и взвинченным. Эх, точно происки Жабы. И где я прокололась?

А может, Яковлева не причём, и это инициатива Селиванова? Решил устранить меня потому, что я прознала великую тайну его семьи? Гадство!

Я ещё долго сидела бы, придумывая причины и следствия, но зазвонил телефон. Я живо сняла трубку. Но сказать «Алло!» не успела, женский голос опередил:

– Иванова, ты? Пришла уже? Это Ступина, бюро труда.

– Здравствуйте, Елена Леонидовна. Да, это я.

Женщина как будто выдохнула с облегчением, и тут же затараторила:

– Записку видела? Почему ещё не у меня? Срочненько давай.

– Видела. А что стряслось? – напряглась я.

Сначала записка, потом звонок. Значит, что-то серьёзное, раз меня так подгоняли.

– Всё на месте расскажу, Маш, не по телефону, – ответила женщина невозмутимо и решила успокоить: – Да ты не пугайся, всё нормально. Для тебя есть интересное предложение. Давай приходи, жду, – и Ступина отключилась.

Я замерла. Похлопала глазами, послушала гудки в трубке, потом медленно опустила её на рычаг и встала, чтобы неуверенными шагами направиться в кабинет кадровички.

Какое еще предложение? Насколько я знала, подходящих для проектировщика вакансий в «Эксперт ГеоКом» нет. Нам требуется ведущий инженер-геодезист, но эта должность однозначно не по мне. А вот в филиале... вполне может быть.

Чёрт, и Полина ещё не пришла! У неё есть там знакомые, сейчас быстренько созвонилась бы и пробила информацию, чтобы на встречу со Ступиной я шла подготовленной. А так я не знала, чего ждать.

Остановившись у нужной двери, я выдохнула. Очень не хотелось переводиться в филиал, там меньше перспектив, а

шеф заезжал всего раз в неделю, и то по крайней необходимости – все вопросы он решал дома, ведь генеральный – его отец.

Ладно, сначала выслушаю предложение. Ведь я всегда могу отказаться, правда? Не с пистолетом же у виска меня заставят подписывать приказ о переводе.

Я вошла и поздоровалась. По левую руку от входа друг напротив друга сидели две женщины – экономисты разных направлений. «Апартаменты» Ступиной располагались справа и отделялись от основного пространства двумя шкафами. Я прошла сразу к ней.

Полноватая Елена Леонидовна восседала за столом. В очках и аккуратной блузке простого кроя, с незамысловатой причёской она составляла яркую противоположность лощёной Жабе и её подруге – главному бухгалтеру Наталье Владимировне. Сотрудников, и меня в том числе, доброта и простота сорокапятилетней Ступиной подкупали.

– Доброе утро, Елена Леонидовна. Я пришла. Вы хотели поговорить? – с приветливой улыбкой я прошла к столу.

– Привет, Маш. Да, хотела, садись, – она указала на стул, и я тут же его заняла. – Меня тут с раннего утра уже озадачили. Вот, ознакомься с приказом, – женщина сразу перешла к делу, и заготовленная бумажка, приоритетно лежащая перед ней, переместилась ко мне.

Приказ? Неужели всё так плохо? Увольняют? Переводят? Наказывают? А вдруг поощряют, чем чёрт не шутит?

Но истинное содержание документа мне и во сне не пригрезилось бы. Хотя, во сне может быть... Мне захотелось снять очки и протереть глаза. Не может быть! Однозначно где-то ошибка! Или я не выпалась и неверно воспринимала информацию, или Ступина не так поняла. Но нет, приказ о назначении меня, Ивановой М.А., исполняющей обязанности ведущего конструктора-проектировщика на время больничного Яковлевой Ж.Б. подписал сам Селиванов. Тоже ошибся? Поставил закорючку, не глядя? Нет, наш босс всегда тщательно вычитывал документы, какой важности они ни были бы.

Следующим листом шло приложение о доплате за увеличенный объём работ, утверждённое главным бухгалтером. Вот такие дела – за меня уже всё решили. В непосредственное подчинение Евгения Юрьевича я переходила сразу, как подписывала документ.

Слов у меня не нашлось. Я открыла рот и тут же закрыла, не в силах корректно облечь мысли в слова. В голове творился полнейший сумбур. Видя, что я молчу и только смотрю гипер удивлённым взглядом, Ступина разъяснила:

– Маша, у Жанны неприятность случилась. Она вчера ногу сломала, а Селиванову нужен помощник. Ты как, согласна?

– Подождите, какой согласна. Я ведь не знаю работы Яковлевой...

– Она будет тебя консультировать по телефону, да и сам

Евгений Юрьевич обещал давать инструкции. Пару дней он будет твоим помощником, потом приноровишься, – она тихонько засмеялась. Я тоже оценила бы шутку, не будь так ошарашена.

– Но почему именно я? Ведь есть проектировщики гораздо опытнее...

– Маш, я не знаю, – пожала плечами женщина. – Они с Жанной посоветовались и выбрали тебя. Наверное, она тебя порекомендовала, знает же, как ты работаешь.

Знает, ну-ну. Чтобы Жаба сама меня на своё место пропустила? Да ни в жизнь! Она костыми легла бы, чтобы не допустить меня до Евгения. Всеми правдами и неправдами, но пробила другую кандидатуру! Значит, не обошлось без веского слова начальника.

Селиванов пожелал новую помощницу, ткнул пальцем, и кадровичка любезно предоставила ему Машеньку, разве что бантом не перевязала. Он сам того не ведая, исполнил мою мечту, которую я не осмеливалась облечь в конкретное желание. Но зачем ему я? Яковлева хоть и язва, но обязанности знала на отлично, а что смогу я? Косячить?

Уж не симпатия ли у него ко мне?

Ага, размечталась! Страх не успел подняться в душе, затопленный восторгами внутреннего голоса. Разум и сердце вопили в унисон, подбивая согласиться. Но на что? Не сделаю ли я хуже себе, шефу и фирме? Может, лучше деликатно отказаться? Как сильно я не хотела бы оказаться ближе к

Селиванову, но если от меня не будет толку, то...

Так, стоп! Куда делась моя самооценка? Долой страх, это же реальный шанс! Мы будем видаться, постоянно общаться! Меня аж затрясло от предвкушения.

А Елена Леонидовна продолжила, видя моё замешательство:

– Это просьба руководства. Я считаю, предложение стоящее, и доплата неплохая. Работы у тебя, конечно, прибавится, но зато приобретёшь полезные навыки. Ты молодая, учишься, пока есть возможность, пригодится. Селиванову нужен ответственный человек, ты, может, всего не знаешь, но добывать информацию умеешь, и, если за что-то берёшься, доводишь до конца. Главное, не бойся, не Боги горшки обжигают, – улыбнулась она.

Значит, вот как? Сначала приказ и требование явиться сей секунд, а уже потом просьба выручить?

– Не подумай, что я давлю, но ответ надо дать сейчас. Евгений Юрьевич пришёл очень рано, подкараулил меня. Жанна неплохо его разгружала. Вот, он и хочет поскорее решить вопрос. Если ты согласна, то расписывайся и иди к нему. А если нет, то пиши отказ, но я не знаю, как начальник отреагирует, – она чуть приглушила голос. – Он уже настроился, что его помощницей станешь ты, и строго дал понять, что отрицательный ответ не примет.

Я всё-таки раскрыла рот. Так вот почему Ступина суетилась. Написала записку, позвонила. Селиванов оставил ука-

зания, и не поздоровится тому, кто прогневит босса. Как это не уговорила девчонку? За себя кадровичка переживала или за меня?

– Не в духе с утра? – спросила я осторожно, а Ступина покивала.

– Похоже на то. Но он отходчивый, скоро и ты научишься чувствовать перемену настроения шефа.

– Смягчать дурное расположение духа тоже входит в обязанности? – сорвалось с губ.

– Вот, такая установка мне нравится, – женщина засмеялась.

Я справилась с видимыми эмоциями, но внутри всё бушевало. Сердце выстукивало в висках: «Да! Да!», и я потянулась к ручке.

– Поняла, Елена Леонидовна. Думаю, надо соглашаться. Вы правы, это хорошая возможность... Тем более, срочно нужен человек. Всё-таки я многое знаю, надеюсь, буду полезна. И учиться я готова, схватываю быстро.

Я болтала, потому что боялась подписывать. Страсть как хотела, но... Господи, на спонтанное предложение шведов спеть вместе согласилась, не раздумывая, а когда мироздание само подсунуло мне Селиванова – заколебалась.

Вот тебе и другие звёзды, Керис. И всё более чем необычно.

Я размашисто поставила свою подпись на обоих бланках, а Ступина разулыбалась.

– Ну всё, отправляйся к начальнику за инструкциями, – кивнула она.

Я попрощалась и на негнущихся ногах вышла из кабинета.

* * *

Я вернулась на своё рабочее место. Интересно, оно таким и останется или меня пересадят? Жанна сидела в секции архитекторов, удостоюсь ли я чести занять её стол? И на какой срок? В среднем с переломом валялись месяц, но вдруг меня так завалят работой, что я не выдержу? Или доведу нашего уравновешенного начальника, и он взорвётся первым?

Давно пора было идти к нему, а я всё не решалась. Селиванов опустил жалюзи в своём офисе, и я не видела, чем он занимался. Ступина сказала, что босс не в духе. Что ж, лучше не доводить его и пойти «на ковёр» немедленно.

Я сняла пиджак и осталась в блузке с коротким рукавом, серой жилетке и юбке с разрезом. Очки я уже нацепила, так что вполне соответствовала стандартному деловому виду. Только сердце колотилось неестественно быстро, сотрясая грудную клетку.

Вещи пока оставлю здесь, возьму только блокнот. Вот этот, попримечнее, в кожаном переплёте цвета спелой вишни. Я зацепила за корешок ручку, вдохнула поглубже и отправилась в кабинет начальника.

Путь казался долгим, но двери всё равно выросли передо

мной как-то неожиданно. Может, потому, что я боялась поднять взгляд, чтобы кто-нибудь не увидел в глазах нескрываемый страх? Я потопталась на пороге и обернулась на пустующий стол Яковлевой, на котором царил бесстыдный порядок: папки лежали ровно, как по линейке, ручки и карандаши выстроились по росту и цвету в органайзере, ни пылинки, ни соринки – идеальное рабочее место.

И у меня – расчёты на всяких клочках, незавершённые разделы сразу нескольких проектов, а карандаши по жизни терялись, когда они так нужны. Увы, аккуратность – не мой конёк, но, надеюсь, оперативность и быстрое действие окупали этот недостаток.

Меня никто не замечал – мало ли кто ждал аудиенции начальника, но, если я продолжу тут робеть на пороге, на меня обратят внимание. А я и без того на грани паники.

Так, сейчас постучу, дождусь вежливого «Войдите» и шагну за порог. Главное, не зацепиться за него шпильками. Я хочу произвести впечатление на Евгения, но не таким эффектным появлением.

Я шагнула вперёд и занесла руку для вежливого стука, как дверь немедленно распахнулась, живописуя Селиванова прямо передо мной. Он собирался спешно покинуть кабинет и чуть не сбил меня с ног, а я едва не постучала по его груди. Ещё какой-то шаг, и столкновения было бы не избежать. Мы чудом не врезались друг в друга, а от нашей незапланированной близости меня обдало знакомым и любимым аро-

матом. Да таким богатым и терпким, что моя несчастная голова закружилась. Пытаясь сохранить равновесие, я чуть не вцепилась в лацкан тёмно-синего пиджака в тонкую светлую полосу.

Я тихо пискнула и, путаясь в ногах, отступила.

– Здравствуйте, Евгений Юрьевич, – сглотнула я, пытаюсь взять себя в руки.

– Мария? И почему я не удивлён? Доброе утро, – приветствовал меня начальник, пока я смотрела на его строго повязанный галстук в тон костюму.

Что-то в голосе мужчины заставило меня поднять голову. Зелёно-голубые глаза смотрели не строго, а... насмешливо, хмурый лоб быстро разгладился. Мне даже показалось, что Селиванов сейчас улыбнётся, но не случилось. Это я победила его угрюмость?

По заявлению Ступиной, он всё утро ходил мрачный, а тут пришла Маша и развеселила? Как же он мне нравился – озорной взгляд, предчувствие улыбки на тонких губах и чуть растрёпанные каштановые волосы. Хорош, чёрт побери! Не налюбоваться.

– Раз вы здесь, значит, уже в курсе моего предложения, – он посерьёзnel, прогоняя случайно прилипшую весёлость, и опустил взгляд на блокнот, который я прижимала к груди. – И пришли сообщить мне своё решение?

– Да, оно положительное. Я готова приступить, – вытянулась я.

– Хорошо, – уголки его губ дрогнули. – Заходите пока, присаживайтесь, сейчас побеседуем. Я только отдам Ильдару Рустэмовичу кое-какие бумаги.

Я только сейчас заметила у него в руках тонкую папку. Что? Начальник своим пешком пошёл бумажки разносить? Туго ему, бедняге, без рыбки на посылках. Точнее без лягушки. Другой на его месте вызвал бы работника к себе, а Селиванов не счёл за труд пройтись до места. Или он таким образом проверял, рабочая ли обстановка в офисе?

– Мария? Вы будете ждать меня здесь? – удивление смешалось с лёгкой ироничностью в бархатном тембре мужчины.

Правильно уколол, а то залипла как дура, глядя на изгибы его плотной фигуры под пиджаком, не в силах поверить, что Женя разговаривал со мной, произносил моё имя.

– Простите! Конечно, нет. Я... немного ошарашена, – призналась я, подняв на него взгляд. Селиванов спокойно отреагировал на мою откровенность, будто она всё ему объяснила.

– Я скоро подойду, – сказал он мягко, почти ласково, и удалился, а я переступила порог. Скоро? Да я готова ждать сколько угодно!

По кабинету Селиванова гуляли сквозняки. Ох, и любил же он свежак! Что впрочем, только пойдёт на пользу моей поплывшей от эмоций голове.

Но никакие сквозняки не изгонят парфюм Евгения и его

мужской дух.

Я вздохнула на идеальный порядок. Строгая обстановка, стерильная до зубовного скрежета. На светлых стенах – дипломы и награды. У тумбы к потолку тянулась монстера, с другой стороны цвёл спатифиллум. Кожаное сидение руководителя было развёрнуто на выход. Шкаф-стенка совершенно ничего не рассказывал о начальнике – никаких личных вещей, фотографий в рамках или статуэток, только ряды папок-регистраторов. Тихо шумел системник, продолговатая настольная лампа изгибалась вокруг монитора и отражала холодный белый свет от серебристых поверхностей столов. Можно уже выключить – утро за окнами набрало силу. Но самовольничать я, конечно, не стала.

Я подошла к столу переговоров и коснулась холодной поверхности кончиками пальцев, а потом отодвинула стул и опустилась на него. Ай, будто на ледяной трон уселась. Я поерзала, но закрыть распахнутое настежь окно не решилась – всё-таки не я здесь хозяйка. Я как Герда оказалась в заиндевевших пенатах, в которых Кай всё никак не мог составить из льдинок слово «Вечность» и освободиться от власти Снежной Королевы.

Из коридора через приоткрытую дверь донёсся раскатистый смех. Так громко обычно хохотал наш ведущий архитектор. Женя отправился к нему шутить шутки? Я представила себе мужчин: вот Ильдар хлопал босса по плечу и сгибался в колени с возгласами «Ой, не могу! Щас умру!», а Се-

ливанов вытирал слёзы с глаз. Что они там друг другу рассказывали? Как прошли выходные? Ерунда, мало ли забавных моментов может случиться и по рабочим вопросам. За доверительную, почти домашнюю обстановку я и любила нашу фирму. Исключить бы ещё Жабу из нашей дружной семьи.

– Мария, вы тоже хотите на больничный? – Евгений так неожиданно нарисовался в створе дверей, что я вздрогнула.

– Что простите?

– Нужно было закрыть, если мёрзните, – босс бодро подошёл к окну и затворил его.

– А, нет. Мне нормально, – проговорила я, опуская взгляд.

Отлично, меня же и поругал за сквозняк! Начальник, твою за ногу! Сидишь как мышка, и то огребаешь. За не выключенный светильник тоже выговорит? «Иванова, вы совсем не бережёте казённую электроэнергию, надо заботиться о благе фирмы!»

– Итак, – Селиванов прошёл к своему месту, щелкнул выключателем лампы и сел.

Локтями он упёрся в столешницу, переплетя пальцы, а я уставилась на его широкие кисти, на перстень на мизинце и часы на запястье. Массивный циферблат, «косичка» стальных звеньев ремешка. И гадать не нужно: безумно дорогие и качественные, элитный бренд. И правильно, нужно же как-то свой престиж обозначать. Вот соберутся «костюмы» на деловую встречу, все хмурые и богатые, чем будут мериться?

Не общеизвестной же частью тела! В голове тут же нарисовалась странная по содержанию картина проведения переговоров, и я чуть не прыснула.

Спокойно, Маша, Женя выиграет в этом споре. Ой, нет, не о том думаю! Но как о таком не думать, когда передо мной сидел образец сексуальности в чистом виде? Полностью одетый, сорочка застёгнута наглухо, но дыхание всё равно сбивалось, а щёки окрашивались спелым румянцем. Надеюсь, мне хоть шло?

– Какие проекты вы сейчас ведёте? – спросил начальник, а у меня мысли прыснули из головы, как тараканы от метлы.

Чтобы сосредоточиться и вспомнить, пришлось отвести взгляд от босса. Я уставилась на кончик торчащей из органайзера ручки и перечислила закреплённые за мной организации. Селиванов задумчиво покивал и произнёс:

– Я понимаю, что нагружаю вас дополнительно, но срывать сроки сдачи проектов мы не должны. Я поразмыслю над этим вопросом, но боюсь, в настоящий момент нет возможности снять с вас текущую работу. Вам придётся продолжать курировать разработку разделов и параллельно принять на себя обязанности Жанны.

Ах, ну это даже не новости. Чудо случилось бы, если бы с меня сняли текучку. Но я уже согласилась и не отступлю. Тем более доплата окупит затрачиваемые усилия. Сейчас, сидя в кабинете начальника и, практически задушевно с ним общаясь, я начала осознавать свой новый статус. И он мне

чертовски нравился. Поэтому я смело заявила:

– Евгений Юрьевич, всё нормально, я предполагала, что так и будет. Меня всё устраивает. Я справлюсь. Обещаю, что не подведу!

Я слишком напыщенно это произнесла и показалась Селиванову смешной? Или ему понравилась уверенность, пропитавшая мой голос? Так или иначе, Женя сдержанно улыбнулся. Человеческие эмоции не чужды большим начальникам.

– Тогда я расскажу ваши новые обязанности. Приступим? – спросил он, и я с готовностью распахнула блокнот.

Босс начал с организационных требований, прозрачно намекнув, чтобы я не приходила слишком поздно и не уходила рано, придерживаясь одних с ним временных рамок. Мне следовало докладывать, когда я приходила в офис и уходила домой, а также когда отлучалась надолго – вдруг ему что-то понадобится, а меня нет на месте.

Диктатор! А в туалет тоже нужно будет отпрашиваться? Или сразу закупить памперсы? Также я должна присутствовать на деловых встречах, вести протокол совещания.

После мы перешли к существенным вопросам. Хорошо, что я захватила блокнот – и части всего, о чём говорил Селиванов, не запомнила бы на слух. Информация шла плотным потоком, а я вставляла только «ага, поняла», морщила лоб и со вздохом обводила пункты, требующие пристального внимания. Увы, их оказалась больше, чем я ожидала.

Я просидела у шефа больше часа – нас прерывали бес­счётное количество раз. Секретарь Селиванова взяла отгул, и звонки шли нескончаемым потоком. Да ещё коллеги загля­дывали со срочными вопросами. Я и не думала, что Женю так дёргают, я давно выдохлась бы под такой осадой, а у него даже выражение лица не изменилось. Стрессоустойчивость и невозмутимость на высшем уровне! Мне бы так. Ой, нет, лучше не загадывать, а то мироздание решит проверить эти качества на прочность.

Но зато мне стало ясно, почему Евгению позарез понадо­бился личный помощник – не дать разорвать себя на части. Первую волну принимал на себя секретарь, переадресовывая часть вопросов Жанне. А теперь всё это «богатство» доста­нется мне. Естественно, я не смогу ответить на всё, но раз Евгений рассчитывал на меня, приложу максимум усилий, чтобы оправдать его доверие. Я почувствовала себя важной и значимой.

Меня подмывало спросить, почему именно я, но я боялась услышать, что это элементарная случайность. Назвал первую попавшуюся фамилию, выбрал не глядя. Или купил молча­ние, чтобы не трепалась про Егора. А если это замаскиро­ванная попытка подкатить? Сердце, естественно, верило в сказку, но разум не позволял ему расслабиться, намекая, что будет больно, если я узнаю истинные намерения Евгения.

Наконец, мы закончили. Исписав три листа, я отложила ручку и покрутила запястьем. Со времен института так мно-

го не писала.

– Много получилось? – с незлобной усмешкой кивнул на блокнот Селиванов.

– Да, – я не сдержала улыбки и перелистала загибающиеся от пасты страницы. – Старалась записать максимально подробно, чтобы потом задавать поменьше вопросов. Но боюсь, они неизбежны, – я опасливо посмотрела в глаза мужчине, а тот кивнул:

– Само собой, поначалу они будут. Но почему-то мне кажется... – его взгляд соскользнул с моего лица ниже, и у меня мурашки по коленям побежали, – вы быстро вникните. Не стесняйтесь подходить ко мне, если возникнут затруднения. Очень важно, чтобы ничто не подрывало работоспособность фирмы.

– Поняла. За что мне приниматься сейчас? – спросила я, уверенная, что начальник не оставит меня без поручения. Так и вышло.

– Нужно оформить акты выполненных работ по сметам капремонта и сдать их бухгалтеру. Список завершённых заказов в компьютере у Жанны. Озадачьте Альфреда, пусть сделает вам доступ ко всем необходимым программам. Я сейчас уезжаю, буду ближе к вечеру, – он глянул на часы. – Справитесь до моего прихода?

«Нет! Я никогда таким не занималась!» – хотелось кричать мне, но вместо этого выдала совсем другое:

– Конечно, Евгений Юрьевич.

– Чудесно. Тогда приступайте, – ответил Селиванов и потерял ко мне интерес.

Я вышла, плотно затворив дверь, и замерла в центре шумного зала, стараясь унять поднимающуюся в душе панику. Какие ещё акты? Я в жизни такие документы не оформляла! С чего начать?

– Маша! – окликнул меня кто-то, и, повернувшись на голос, увидела спешащую ко мне Полину. – Ты чего у босса застряла? Лиля сказала, ты там уже час. Разве так можно, я же вся извелась! Что случилось? – она вцепилась в меня, не собираясь отпустить.

Но я и не сопротивлялась. Поля здесь, а значит, не всё потеряно.

Глава 5. Первое задание

Не знаю, как выкручивалась бы без Красновой. Когда восторги Поли по поводу моего назначения отзвучали, она нашла мне учителя. Лиля Куликова – стройная шатенка с покатыми плечами и азиатским разрезом глаз – пару раз помогала Жанне с актами, и обещание шоколадки освежило ей память.

Но перед этим я пригласила Альфреда, и минут сорок он настраивал мне доступ. Расширенные права – это круто. Но теперь я должна была отслеживать текущие заказы и ежедневно отчитываться Селиванову по их статусам. Переговоры с инвесторами и подрядчиками тоже повисали на мне, в пределах полномочий. Естественно, важные решения будет принимать Евгений, и все неотложные вопросы я должна адресовать ему.

В расширенную модель инженера-проектировщика «Мария Иванова, версия двадцать пять, точка два» также встроены функции секретаря, менеджера, оператора, бухгалтера, и Бог знает кого ещё – это выяснится по ходу.

Да простят меня все бухгалтеры, но вникать в тонкости счётного искусства я даже не пыталась, просто запоминая последовательность действий: нажать кнопку, поставить галочку, заполнить строки. Сейчас важнее выполнить задание,

а не разбираться, что такое сальдо, авизо и калькуляции. Одно знание закрепилось в моих мозгах ещё с универа: дебет с кредитом должен сходиться, но сейчас это знание, наверное, мне не понадобится.

Лиля объясняла доходчиво, и я даже не переспрашивала – один акт мы сделали вместе, следующий – я сама под её присмотром, а дальнейшие – по аналогии.

Я приободрилась. Вроде не всё так страшно, процесс шёл, а Куликовой я куплю не шоколадку, а целую коробку самых вкусных конфет. Всё-таки это моё первое задание в новой должности, я не должна ударить в грязь лицом.

А то вдруг, не справлюсь, и Женя откажется от меня? Вернёт на место, как бракованную игрушку в магазин. Этого нельзя допустить!

Провозились мы до обеда, поэтому, опасаясь не успеть, я не пошла на перерыв. Засела крепко, сверяя суммы, номера договоров, сметы и заказы. Через пару часов цифры, названия организаций и наименования работ смешались в моей распухшей голове.

Но Поля и тут не покинула меня в беде: принесла мне питьевой йогурт и булочку, которые я уничтожила прямо при ней.

– Эх, зря я тебя накормила, – тут же посетовала подруга. – Осталась бы голодной, и Евгений повёл тебя в ресторан, – глаза у неё заблестели, будто он меня уже пригласил.

– Ага, сдалась я ему там, – фыркнула я, сметая крошки. –

Я смотрю облака, в которых ты витаешь, ещё пышнее и радужнее моих.

– Да брось! – Полина уселась прямо на свежераспечатанные акты. – Не зря же он тебя выбрал! Задумайся! Потому что ты работу Жабы знаешь? Ну-ну, вон, я вижу, как знаешь. Скажи-ка лучше, он уже приставал, а? Намекал на интим? – она понизила голос и так близко придвинулась, что её ресницы почти запорхали по моим щекам.

– Краснова! – я укоризненно посмотрела на неё.

– А что такого? Не прикидывайся монашкой, – подруга прыгнула со стола, сметая мои бумаги на пол. – Он здоровый и сексуально активный мужчина. Ни одного анекдота про личных помощниц не знаешь? Почитай.

– Иди-ка лучше работать! – рассмеялась я, и Поля, подмигнув, отправилась трудиться.

За два часа до конца рабочего дня я закончила с актами. Собрав бумаги в папку, я отправилась к Тараевой. Документы ей на подпись обычно носила Жаба, частенько пропадая в кабинете. Я же с главным бухгалтером только здоровалась в коридоре, но голос знала прекрасно. Лёгкая картавость и быстрая речь делали тембр Натальи узнаваемым.

Интересно, найду ли я с ней общий язык? Пора это выяснить.

Я постучала и отворила дверь. Женщина сидела за столом. На вид ей не было ещё и сорока. Первое, что мне бросилось в глаза – ярко-красная помада. Выющиеся волосы тёплого ме-

дового оттенка обрамляли аристократичное широкое лицо. Деловой костюм выдавал округлую фигуру, но в целом Тараева производила приятное впечатление. Она не улыбалась, но взгляд показался мне приветливым.

– Здравствуйте, Наталья Владимировна, меня зовут Мария. Я принесла акты на подпись, – вежливо сказала я.

– Привет, – кивнула та и вместо приглашения протянула руку.

Понятное дело, она просила папку, но от неожиданности я затормозила, чем заработала раздражённый взгляд. Я тут же змеёй просочилась к столу и вложила требуемое Тараевой в ладонь. Женщина хмыкнула и раскрыла папку, хлопнув ей о стол. Все любят расторопных подчинённых, но откуда мне было знать её замашки? Даже начальник не вел себя так надменно, как она. Звезда, твою за ногу!

Изначально, я собиралась в доверительной форме сообщить, что ближайший месяц буду захаживать «в гости», но после такого «радушного» приёма передумала говорить что-либо, и просто стояла истуканом, пока Наталья изучала документы. Она делала это педантично и взыскательно, медленно переворачивая лист за листом. Может, оставить документы и прийти позже? Неловко стоять над душой.

Но решать дилемму не пришлось, когда Тараева заговорила со мной:

– Так это ты осталась за Жанну, Мария? – она оглядела меня с ног до головы.

В её громком голосе сквозили недовольные нотки, а моё имя она произнесла как оскорбление. Вопрос прозвучал жёстко и осуждающе, и я неосознанно почувствовала себя в чём-то виноватой. Похоже, зря я ждала приветливости от приятельницы Жабы.

– Да, я.

Выстуживающий взгляд женщины я выдержала. Так и подмывало ляпнуть: что-то не устраивает? Будто я эту кашу заварила.

– Хорошо. Тогда у меня несколько вопросов, – Наталья развернула ко мне папку.

Наклонившись, я чуть не задохнулась от резкого, бесстыдно насыщенного и дорогого аромата её духов. Мои же собственные как будто растворились.

– Сумму нужно указывать в тысячах, а не в рублях, – длинный наманикюренный ноготок скользнул по столбику цифр. – Наименование пишется как по смете, не надо ничего придумывать. Где номер договора и дата заполнения?

Верхним лежал акт, который я печатала последним. Немудрено, что в нём оказалось столько ошибок – под конец я уже просто выдохлась.

– Наверное, пропустила. Извините.

– Пропустила. А я значит, должна за тобой перепроверять? – упрекнула она меня. – И это только первый акт. Что дальше, боюсь даже смотреть, – покачала она головой, но всё же взяла следующий документ. Увы, и тут не обошлось без

замечаний:

– Тоже самое – суммы в рублях. И вид работ не указан, – она устало вздохнула.

– А какой тут вид работ? – совсем растерялась я.

– И это у меня спрашивает инженер-проектировщик! – всплеснула руками Тараева.

Я опешила, но решила не раздувать конфликт:

– Я не могу всего знать. Подскажите, пожалуйста...

– Если не знаешь, поднимай стандарты и читай. Я не подпишу, пока не будет оформлено как надо, – женщина захлопнула папку и вернула мне с хмурым видом.

Меня затрясло от обиды и злости. Я чуть не выпустила документы, поэтому крепко прижала их к груди. Боевой настрой исчез, раздавленный непробиваемостью женщины, как цветок под гусеницами танка. Что за ужасный характер! Да, я наделала ошибок, но неужели не заслужила терпимости? Она тоже когда-то была новичком.

Да, Иванова, не все обрадовались твоему назначению.

Я вернулась на место. Евгений ещё не пришёл, а значит, у меня был шанс всё переделать и запросить повторную аудиенцию Его Бухгалтерского Величества.

Я устранила все замечания, проверила два раза и попросила это сделать Лилю. Девушка подтвердила, что всё правильно, и она сделала бы точно так же. У меня даже появилась уверенность. Теперь-то уж точно всё хорошо.

Наталья живо откликнулась на стук, но, увидев, что это я,

чуть не скривилась. Акты она не подписала, прицепившись к тому, что отсутствовали коды материалов, а отчётный период указан в неправильном формате. Что мне оставалось делать? Вздохнула и потопала переправлять. Куликова удивилась, когда я рассказала исход встречи.

– Тараева у меня никогда ничего такого не просила, – растерянно проговорила она. – Всегда с первого раза подписывала процентовки. Ай, сделай, как велит, может, новые правила, а мы не знаем, – посоветовала она. – У бухгалтеров строгая отчётность, я по тётке знаю. Не волнуйся, я подскажу, из какой программы загрузить материалы.

Ох, похоже, я не откуплюсь даже целой шоколадной фабрикой. Лилёк отложила свою работу, и мы битый час выписывали требуемые Натальей коды. Честно скажу, я выдохлась. Мозги уже не соображали. Я проголодалась, но не рисковала есть в растрёпанных чувствах, чтобы не заработать несварение.

А ещё я время от времени поглядывала то на висевшие на стене часы, то на входную дверь. Мне на руку играло, что начальник задерживался. У меня имелся третий, и, полагаю, последний шанс завершить задание успешно. Правда, процент вероятности положительного исхода по моим предположениям был не высок.

Интуиция меня не подвела. Наталья вела себя ещё холоднее и высокомернее, и снова нашла, к чему придраться. А попытку возразить, что поправки я внесла по её замечаниям,

смела криком. Да, я «неопытная девчонка, которая даже с третьего раза не может сделать правильно», но учить её, как вести дела, я не пыталась, просто хотела хорошо сделать работу и освоить новый навык. Тараева ткнула в меня своим стажем и выгнала за дверь.

Руки опустились. Меня ещё никто так не унижал. Стало ясно, что женщина просто издевалась, докапываясь то до одного, то до другого. У меня всё было правильно, и, возможно, с первого раза, ну, со второго точно, но это не утешало. За что она так со мной? Из-за Жанны? Но ведь не я ей ногу сломала, не я напросилась в помощники Селиванову! Теперь каждая сволочь будет на мне отыгрываться?

Проклятые слёзы обиды, кто вас звал? Сейчас тушь потечёт, не возвращаться же в зал с таким лицом. Я остановилась между секцией конструкторов и кабинетами административных работников, возле раритетного кульмана, который давно уже не использовался. Теперь на доску крепили объявления профсоюза и рекламу.

Что мне теперь делать? Снова переправлять? И сколько раз ещё придётся? Пока Тараева не доконает меня?

Из соседнего кабинета кто-то вышел, и я, склонив голову, быстро пошла по коридору. Я не хотела, чтобы кто-нибудь видел моих слёз, поэтому быстро их стёрла. Ладно, пойду к себе, успокоюсь и подумаю. Может, Поля чего подскажет?

Но до своего места я не дошла. Едва я появилась в секции, как услышала знакомый бархатный голос:

– Мария! А я вас везде ищу, – быстрым шагом ко мне приближался Селиванов.

О, нет, только не это! Пожалуйста! Почему напасти сыплются всегда разом? Как сказать, что не справилась с поручением? Он такой весёлый и бодрый. Значит, дела прошли успешно. Неприятные новости сейчас подпортят его настроение, а разочарованный тон разорвёт сердце мне.

– Вы были у Тараевой? Как успехи? – он потянулся к папке, а я испуганно отшатнулась и крепче прижала её к себе. – Что-то не так? Да на вас лица нет!

Задорный тон быстро сменился обескураженным, а взгляд уколол озабоченностью. Я не умею притворяться, у меня всегда всё на лице написано. Про Керис постоянно пишут: «невероятная мимика», «неповторимые эмоции». Вот и сейчас Евгений без труда понял, что я расстроена. А у меня ещё и глаза, наверное, покраснели.

– Ничего, Евгений Юрьевич, – голос получился выше, чем обычно, и я откашлялась. – Просто пока нет результата.

Я посмотрела на начальника снизу вверх и обнаружила, что обзор немного мутноватый. Ах, чёрт! Слеза капнула и прочертила дорожку по линзе, а я не обратила внимания. Я тут же мазнула по стеклу, но сделала только хуже. Если Евгений и не заметил сразу, то теперь это точно от него не укрылось.

Начальник нахмурился. А потом резко развернул меня и подтолкнул ладонью в спину.

– Идёмте-ка, Маша. Вот сюда, – он подвёл меня к подоконнику. Я не хотела идти, но поддалась силе его рук. – А теперь рассказывайте, что случилось.

Ну, Иванова, жги. Самое время сморщить нос, как косточку персика, надуть губки красивым бантиком и указать пальчиком на кабинет Тараевой: «Тётя плохая, тётя не подписывает документы». И папочка пожалеет, погладит по головке, а, если повезёт, и на ручки возьмёт. Но я не ябеда. Как Наталья не вытирала бы об меня ноги, не буду жаловаться.

– Извините, что задерживаю документы. Но я наделала ошибок, нужно исправлять.

Мой голос вернул себе прежнее звучание, тревога в душе улеглась. Присутствие Жени умиротворяло, а его строгий вид вселял в меня уверенность. Казалось, аромат парфюма шефа за день не ослаб, или уже настолько сроднился со мной, что я ощущала его фантомно. Я смотрела на Селиванова и верила, что мне всё по плечу. Он добился величия, поднял фирму, а я с какими-то актами не справлюсь? Ерунда, вот окончательно приведу чувства в баланс и предприму новую контр операцию.

– И серьёзные ошибки? – Женя как-то сразу помрачнел.

– Нет, Тараева уже указала мне на недочёты, и я сейчас же их ликвидирую, – я уже собралась слинять, но тон, не терпящий возражений, пригвоздил меня к полу:

– Покажите.

Проклятая папка почти срослась с телом, поэтому расста-

валась я с ней тяжело. Но отказать начальнику не могла. Евгений проглядел документы. Я практически не дышала, ожидая его вердикта. И всматривалась в выразительные черты лица мужчины, будто ответ таился в строгом профиле, в резкой линии скулы и выступающем подбородке.

Наконец, он повернулся и подозрительно посмотрел на меня:

– Какие были замечания?

Я вздрогнула от холода и раздражения в голосе. Он злился на меня? Неужели косяков больше, чем заметила Тараева?

– Ну же! – поторопил меня шеф.

Я не хотела, чтобы ещё и он завёлся, поэтому выдала все претензии бухгалтера. Когда я закончила, Женя выглядел задумчиво и угрюмо. Он будто меня и не слушал, а уносился в мыслях в неведомые дали.

Но потом вдруг захлопнул папку и убрал её подмышку:

– Я понял. А теперь идите в мой кабинет, Мария, и ждите там, – сказал Евгений таким строгим тоном, что я чуть на пол не села. – Я подойду, как только разберусь с актами.

Ну, точно! Нажаловалась большому начальнику, и он отправился исправлять ошибки своей помощницы. Стыд-то какой!

– Евгений Юрьевич, пожалуйста, позвольте мне поучаствовать! Неудобно, что вы берёте это на себя... – попыталась остановить я Селиванова.

– Иванова! Идите. В мой. Кабинет. Это приказ, – раздра-

жённо отчеканил он и пошёл по коридору.

А я тут же развернулась и припустила в противоположную сторону. Признаюсь, порядком струхнула. По фамилии, да ещё так резко. Ой, растравила я начальника!

Ни на кого не глядя, я залетела в кабинет и плюхнулась на стул. И так остервенело закрутила кольцо на среднем пальце, что чуть не выдрала камушек. Я думала, здесь, в тишине и прохладе успокоюсь, но нет – будто в усмешку мне, напряжение нарастало, лавиной сметая все попытки подготовиться к дальнейшему развитию событий.

Ну, вернётся Евгений, поругает, но не застрелит же. А будет свирепствовать – притворюсь мёртвой. Выгонит, так выгонит – всё, что не делается, к лучшему.

Я не засекала, сколько отсутствовал шеф, но мне от волнения казалось, что его нет уже очень долго. Может, время замедлилось? И пока я сидела тут, за дверью оно текло иначе?

Но, как я ни ждала, как ни готовилась к приходу Селиванова, момент, когда щелкнула дверь, пропустила. Не глядя на меня, начальник вошёл, шмякнул на стол папку и сел, а я сразу отметила яростную бледность, атаковавшую его лицо. Губы стянуты в нитку, скулы «остро наточены».

Женя переплёл пальцы и шумно выдохнул, точно силился успокоиться. Он молчал, а я ловила все движения, слушала дыхание, пытаюсь прочесть, сердится ли он ещё на меня.

– Я уладил вопрос, – наконец, мужчина поднял взгляд, и я уловила в его глазах угасающую бурю.

Больше не злой. Только твёрдый, как песок на зубах, колючий как метель и неприступный, как бастион, не сдающийся врагу.

Мой безупречный начальник.

Я сглотнула. Что сказать? Поблагодарить? Оправдаться? Извиниться? Чего он ждал?

Но я не успела ничего сделать, когда он заговорил:

– Мария, ответьте, пожалуйста, – Селиванов откинулся в кресле, казалось бы, непринуждённо, но я буквально ощущала, как напряжено его тело. – Почему вы разрешили Тараевой так с вами обращаться? – сдавленная злость эхом откликалась в голосе.

– То есть? – я непонимающе захлопала ресницами.

– Вы – умная девушка, должны были понять, что её придирки безосновательны, – от изумления я кивнула. – Так почему промолчали? – он наколот меня на иглу своего взгляда как бабочку. Несколько секунд я выдержала, а потом посмотрела вниз.

– Евгений Юрьевич, я действительно хотела ей ответить, – сжала я кулаки, вспомнив, как во мне клокотала обида. – Но побоялась провалить первое задание, – призналась я. – Начала бы ругаться, и что? Подписи нет – значит, я не справилась... – я разжала руки и обхватила ладонями колени.

Посмотреть на Селиванова не хватало мужества. Сейчас он скажет, что те, кто не может отстоять свою точку зрения и всегда под всех прогибается, ему в помощниках не нуж-

ны. Слабаки. Но ведь я не такая! Просто сегодня не день, а адская карусель. Только, увы, похоже, она сломалась, и я зависла вверх ногами на самой верхушке.

– Не давайте садиться себе на голову, Мария, – я не ожидала такой реплики, поэтому резко вскинула голову, чтобы встретиться с его умопомрачительным взглядом.

Евгений смотрел строго, но понимающе.

– Наталья – ответственный и педантичный работник, в цифрах у неё всегда порядок. Я доверяю ей в бухгалтерских вопросах, но раздутое самомнение не позволяет ей ужиться в коллективе. Она гордится своими двумя дипломами и порой даже на меня смотрит свысока, – хмыкнул он. – У меня не экономическое образование, я не знаю всех деталей, но я и не должен, это её обязанность. Просто если человек зарывается, его надо ставить на место, – я как замороженная наблюдала, как он отвинчивал у ручки колпачок, и краем глаза видела, что не сводил с меня взгляда. От этого у меня пылали щёки. – Никому не давайте послаблений, Мария! Вы сейчас во многих вопросах представляете меня и фирму. Будьте смелее, – пока он говорил, тон заметно смягчился, а лицу вернулся естественный цвет. Селиванов даже позволил себе лёгкую улыбку, а я отчаянно закивала:

– Буду, Евгений Юрьевич! Я вас не подведу.

– Хорошо, что мы друг друга поняли, – он отложил несчастную ручку и посмотрел на часы: – Ваш рабочий день подошёл к концу. Вы разве домой не торопитесь?

– Нет! – живо откликнулась я, но снова покраснелась на его удивлённый взгляд. – То есть да, но могу задержаться, если я вам нужна.

– Продолжим завтра. Сейчас я вас отпускаю.

– Спасибо. До завтра, – попрощалась я и покинула кабинет.

Евгений. Глава 2. Наставник

Значит, отчётный период не тот? И коды материалов не проставлены? Замечательно!

Был у меня в университете один препод, кровь пил со второго курса до диплома, докапывался до каждой запятой, до каждой чёрточки в чертежах. Другим же ставил пятёрки, не глядя. Лишь на вручении признался, что я был его любимым студентом, и таким жестоким способом он доносил до меня знания. Неординарный подход, браво!

Только вот эффекта он добился противоположного: у меня выработалось стойкое отвращение к его предмету.

Пример, конечно, не подходил под ситуацию с Ивановой, но всё равно вспомнился. Люди любят решать за других, основываясь на том, как лучше им. Я не исключение, но высокий пост – не повод злоупотреблять полномочиями и ущемлять работников. И не покрасневшие серо-карие глаза заделали меня за живое, а «дедовщина» в моей фирме.

Хотя Маше я посочувствовал. Сравнительно быстро она раскисла, так её съедят. Надо с ней поговорить.

Ко мне прицепился какой-то дурной рок, не иначе. Сначала Егор заявился и выбесил, потом Жанна сломала ногу, теперь Тараева качала права. Что ещё случится?

Мне хотелось выбить дверь с ноги и взять преимущество

в серьёзном разговоре, но вместо этого я просто вошёл без стука.

Наталья трещала по телефону и совсем не испугалась моего грозного вида. Ждать, пока она закончит, я не собирался. Широким шагом подошёл к столу и сказал:

– Нам нужно поговорить. Попросите перезвонить.

– Одну минуту, – попросила меня Тараева, но перечить мне в таком состоянии было нельзя:

– Сейчас, – отрезал я.

Она удивлённо вскинула брови, а потом заметила папку в моих руках. Её лицо окаменело. Наталья вежливо извинилась перед собеседником и попрощалась, а после одарила меня леденящим душу взглядом. Уязвлённое самолюбие и обиженное достоинство. Она смотрела на меня снизу вверх, но, несомненно, чувствовала своё превосходство.

– Я разговаривала с «Трансинвестбанком». Зависли наши платёжные поручения, – саркастично укорила она меня значимостью оборванного дела. – Но вы не стали бы прерывать меня по пустякам. Итак, в чём дело, Евгений Юрьевич?

– Почему вы, Наталья Владимировна, не подписали эти акты? – я бросил папку на стол, и женщина медленно опустила на неё взгляд.

– Это же очевидно, – её масляный голосок раздражал. Схватить бы её за плечи и вытрясти эту показную вальяжность и ленивую надменность, – они неверно составлены. Разве Иванова не упомянула об этом, когда жаловалась?

– Она этого не делала. Жаль, что я отсутствовал и не пресёк ваше самовольство!

– Самовольство?! – опешила Тараева, но тут же громко возмутилась: – Евгений Юрьевич, выбирайте слова! То, что вы – мой начальник, не даёт вам права оскорблять меня!

– А кто вам дал право издеваться над моими подчинёнными? – я тоже повысил голос.

– Издеваться? Вы так это называете? – она вскинула брови и поднялась, уперев ладони в столешницу. Её визгливый голос резал мне уши, поднимая внутри какую-то неистовую свирепость. – Вы устраиваете мне разнос из-за этой девчонки? Воистину, не делай добра, не получишь зла. А я ведь помочь хотела! – покачала она головой. – Научить вашу новую помощницу! – интонациями она вывернула наизнанку последнее слово. – Как видите, урок пошёл на пользу – пусть с третьего раза, но она сделала правильно.

– Зачем было доводить до такого? По-человечески объяснить не пробовали? – я сложил руки на груди и поджал губы.

– Я главный бухгалтер, а не нянька! Такие мямли, как ваша Маша, понимают только криком. Будьте и вы с ней строже. Зачем вам эта неумеха? Никого лучше не нашлось? Посоветуйтесь с Жанной, узнайте её мнение по поводу назначенной вами кандидатуры. Грамотный руководитель прислушивается к подчинённым, а не принимает необдуманных решений!

Кулаки сжались инстинктивно, самообладание едва удерж-

живало злость. Ещё чуть-чуть и неукротимое пламя вырвется наружу, поглощая всё вокруг.

– Значит, вы оспариваете мои решения? – рявкнул я.

– Нет, что вы, – передёрнула плечом Тараева. – Мне просто обидно, что достойные люди остаются за бортом, когда наверх пробиваются...

– Не берите на себя чужие заботы! – оборвал я, не желая слушать, как она в очередной раз оскорбит Марию. – А впредь не превышайте полномочий! Исполняйте лучше свои обязанности достойно! А со своей новой помощницей я сам разберусь. Да, ей недостаёт опыта, но со временем она научится. Если никто не будет мешать.

– Милая неопытная малышка, – почти ласково пробормотала Наталья. – А учить сами будете? – улыбнулась она.

– Не коверкайте смысл! Подобные шуточки оставьте для своего круга! – я таки не сдержался и треснул кулаком по столу.

Женщина вздрогнула и отступила. Беда с самоконтролем – как быстро Тараева вывела меня из себя. Достоинство руководителя? Хладнокровие? Нет, не слышал.

– Подписывайте! Сейчас же! – прогремел я, а Наталья села и поспешно раскрыла папку. Уж не знаю, что она увидела в моём лице, но, не проронив больше ни слова, живо раскидала свои подписи и отдала мне документы.

Я вышел, хлопнув дверью.

Глава 6. Селекторное совещание

На работу я приехала раньше обычного, но офис уже гу-дел. За опущенными жалюзи я не видела начальника, но почему-то мне казалось, что он уже здесь. Вот только проверить не успела. Я ещё не включила компьютер, как рядом появилась моя вчерашняя спасительница Лиля.

– Маш, привет.

– Доброе утро, – улыбнулась я ей как родной. – Подожди-ка, – она хотела что-то сказать, но я остановила её и полезла в пакет, откуда извлекла коробку конфет. – Ты меня вчера так выручила! Спасибо огромное!

– Что ты, не за что совершенно. Я всегда готова помочь, обращайся. А про вознаграждение пошутила же, – засмеялась Лиля, но конфеты взяла. – Ну ладно, вместе чай попьем. Ты как вообще? Сильно тебе вчера досталось от начальника? – Куликова смотрела с беспокойством, выискивая следы расстройства.

– Эм... – растерялась я. – Почему ты так решила?

– Он может быть жёстким, – сочувствующе покивала она, принимая моё удивление за желание скрыть подробности, а потом быстро огляделась и наклонилась ко мне: – Он вчера крепко ругался с Тараевой. Как они кричали, жуть! Из-за закрытой двери были слышно! – Лиля продолжила с ещё боль-

шим пылом: – Слов не разобрала, но поняла, что из-за актов.

– Ругался? – известия поразили меня. – Не знаю, он мне ничего не говорил про ссору.

– Наверное, неприятно было. Да и не будет же начальник сплетничать, – сказала Лиля, и эмоции снова понесли её: – Потом вышел весь такой непроницаемый, но взгляд – кошмар! Лютый, дикий, до мурашек пробил... Так глянул, что у меня чуть ноги не отнялись. Я скорее и чесанула из офиса, пока меня его крутой нрав не зацепил, – она покачала головой. – Но я видела, что твои вещи здесь, а самой нет. На ковёр вызвал? Зверствовал, да?

– Немного, – пожалала я плечом. – Мозги вставил на место, но обошлось.

– Слава богу, а то я переживала! – выдохнула Лиля и помолчала, видимо дожидаясь, что я дополню ответ, но я не стала, и Куликова засобиралась: – Ладно, тогда я побежала, приходи, поболтаем ещё.

Она ушла, а я закусила губу, поражённая новостями, которые принесла мне сорока на хвосте. Как же Куликовой не терпелось разведать подробности вчерашней стычки, раз аж с утра меня подкараулила. Но выяснила лишь, что я совершенно не в курсе. Что ж, теперь история обрастёт сплетнями и, приукрашенная, пойдёт гулять по офису.

Крепко ругался? Что вы, говорят, до драки дошло! Помилуйте, своими глазами видел, как Селиванов Тараеву за космы оттаскал, а она ему лицо как кошка расцарапала!

«Я уладил вопрос», – так сказал мне Евгений. А как именно, мне знать не обязательно.

Кричать так, чтобы стены тряслись, он умел – я помнила Егора. Выходит, вывести нашего хладнокровного начальника из себя мог не только брат.

Но получалось, Женя вчера сердился не на меня. Да, после нашего разговора я начала что-то подозревать, но подтверждений догадкам не находила, а теперь пазлы один за другим аккуратно складывались в картину.

Селиванов бушевал так сильно потому, что его задело, как бухгалтер изводила меня. Он это понял и решил повоевать за справедливость. Защищал меня, заступился по-геройски! Как рыцарь в доспехах, как джентльмен, как принц...

– Мария, вы телефон не слышите или намеренно игнорируете?

Окрик шефа резко вернул меня из дурных розово-ватных мечтаний в раскалывающуюся трелью телефонного звонка реальность. Раздражённые нотки придавали пикантности бархатному тембру, и вдоль позвоночника скользнула дрожь, как шёлковый платок по обнажённой спине.

Одна из множества кнопок на аппарате призывно пульсировала красным. «Ген.дир» вызывал меня по прямой линии. Я взволнованно подпрыгнула на стуле, схватилась за трубку и поднесла её к уху. И только потом догадалась повернуться...

Евгений стоял в створе дверей и с интересом наблюдал за

мною. Я медленно отпустила трубку на рычаг и покраснела как томатная паста.

– Лучше поздно, чем никогда, – кивнул начальник, поджимая губы. – Я же просил докладывать мне, когда придёте. Забыли?

– Нет, – замотала я головой. – Меня...

...отвлекли» – хотела сказать я, но в последний момент прикусила язык. Не буду подставлять Лилю, тем более сама заслушалась.

– То есть... – я прокашлялась, – я как раз собиралась к вам.

– Заходите, у меня для вас поручение, – сказал босс, продолжая стоять на пороге.

Мне показалось или он всё-таки улыбнулся, но мимолетно посерьёзnel? Ну да, я тоже над собой посмеялась бы, не переживай так сильно. Когда же я привыкну?

Начальник ждал, и, подхватив блокнот, я вскочила на ноги. Отходить и пропускать меня он не собирался, но протиснуться я могла. В голове мелькнула шальная мысль, притвориться, что проход слишком узок, и обтереться о Женю грудью. Интересно, как он отреагировал бы? Но нет, такое дешёвое соблазнение скорее в духе Жабы.

Я скользнула мимо, не задев мужчину, и уселась за стол переговоров на уже ставшее привычным место. А вот Селиванов в своё кресло не опустился – прошёл по кабинету, выглянул в окно и лишь потом обернулся.

– Даша ещё не вышла с отгулов, как я понимаю?

Я только руками развела. Скворцову Дарью – секретаря Селиванова я не видела ни вчера, ни сегодня. Женя кивнул на мой жест.

– Я так и думал. Узнайте, пожалуйста, у Ступиной, когда она появится. Но это побочное, а главное, что сегодня в два часа я проведу селекторное совещание. Вы знаете, кто обычно ходит на оперативку?

– Все ведущие инженеры и архитекторы-конструкторы? – осторожно спросила я.

– Верно, – кивнул Селиванов. – Раз секретаря нет, поручаю вам оповестить их. А также пригласите руководящий состав филиала: Каратанова, Морозова и Смольникова, их телефоны вы найдёте в справочнике. Юрий Антонович лично посетить нас не сможет, он выйдет на связь по селектору. Он уже в курсе, звонить не надо, – на всякий случай уточнил Евгений.

Да я уж поняла, что своему отцу он скажет сам. Чего там сложного? Кинул мессендж в чат, всего и делов. Не доверять же такое ответственное дело непутёвой девице.

– Хорошо, Евгений Юрьевич, я всё сделаю. Можно идти? – я записала фамилии, кого нужно обзвонить и приготовилась встать, как шеф сказал:

– Пригласите ещё одного человека.

Я уже закрыла блокнот, поэтому снова распахнула его и приготовилась писать. Чего сразу-то всех не назвал? Ох, уж

эти замашки начальника.

– Она будет вести протокол совещания и отвечать на вопросы в своей компетенции, – Селиванов соединил кончики пальцев и медленно пересёк кабинет. – И пусть подготовит отчёт о состоянии текущих проектов на сегодняшний день.

Я начала, было, записывать требования, как меня осенило. Я резко подняла голову, но Женя не смотрел на меня. У него сегодня игривое настроение, или мне кажется? Что ж, пусть лучше шутит, чем хмурится и устраивает разносы подчинённым.

– Вы имеете в виду меня? – спросила я, рдея.

– Естественно, – начальник повернулся. А мне стало жарко от его озорного взгляда. – Ваше присутствие обязательно. На этом всё. Вы свободны.

Вот, сначала *так* смотрит, а потом удивляется, что я туплю. Ноги меня не слушались. Я кое-как поднялась и потопала на выход.

Но выйти не успела – Селиванов снова остановил меня:

– И ещё кое-что, Мария. Можете сделать мне кофе? Крепкий, без молока и сахара.

Я замерла на пороге. Да, в мои обязанности это не входило, но разве я откажу? Любое поручение выполню с радостью. Мне хотелось сделать ему приятное. Но видимо, я думала слишком долго, потому что Женя переспросил:

– Я не обременю вас этой просьбой?

– Нет, что вы, Евгений Юрьевич, никаких затруднений.

Немедленно принесу.

Я вылетела из кабинета и в коридоре почти столкнулась с Дашей.

Мы с ней общались мало, но я знала, что она переехала из Сибири, ещё из более дальнего края, чем я. В фирме она исполняла функции делопроизводителя-секретаря, вела документооборот и обеспечивала офис всем необходимым.

Густые волосы природного рыжего оттенка были собраны в аккуратный хвост, серые брюки и голубая рубашка свободно сидели на худощавой фигуре. Большие зелёные глаза выделялись на бледном лице, на котором уже проснулись веснушки. Ниже меня ростом и моложе, Скворцова казалась милой и кроткой. Забавы ради, я попыталась примерить на неё шкуру Керис и не смогла – образ отвязной рокерши на Дашу не садился. Уж этот человек точно не будет огрызаться и пакостить мне. Наверное.

– Привет, Маш, – поздоровалась девушка весёлым звонким голосом. – С утра пораньше от начальника?

Раз она несколько дней провела в отгулах, то ещё не знала о моём назначении. Но сообщить ей я не успела, потому что Даша тут же затараторила:

– А-а-а-а, так ты же за Жанну Борисовну осталась! Я слышала, она ногу сломала, какой кошмар! То есть мне теперь информацию по проектам скидывать тебе? Пока меня не было, там столько почты накопилось! Жанне повезло, а вот меня никто не заменял, – она вздохнула и посмотрела так, буд-

то я щелчком пальцев могла разобрать её завал.

Маленький милый щеночек. Глазки блестят, реснички хлопают, голос сахарный. Но меня не проведёшь. Скворцова и пяти минут в офисе не провела, а уже в курсе всех новостей. Завидная прыть. Или сплетники в первый же день сделали рассылку по всем заинтересованным? Только вот Даша решила прикинуться моей подружкой.

Да, я не верила в её искренность, а потому, что один день на новом месте уже стал для меня школой выживания. Раскрывать душу и секретничать про начальника я не буду. Точно не с Дашей, Лилей и абы кем ещё. И Полю надо предупредить, чтобы не болтала.

И что им неймётся, будто Жанна золотую жилу держала, и все претендовали на её место? У Даши тоже имелся уровень доступа к Селиванову. Она приносила ему кофе, провожала гостей в кабинет, по телефону и лично целый день общались. Так в чём дело?

Кажется, в завистливом взгляде Скворцовой я уловила причину: да, она исполняла эти мелкие по сути поручения, но не могла ответить ни на один вопрос по делам, которыми занимался директор. В этом плане я больше подходила Евгению «по мозгам». Конечно, мне сложно ему соответствовать, но, надеюсь, я ещё пригожусь. С актами обязуюсь больше не прокалываться. Но вообще, сегодняшнее отношение ко мне Селиванова нереально подняло мне настроение, и Даше я улыбнулась по-настоящему:

– Отправляй мне на почту всё, что по проектам: договора, разделы, информационные письма, коммерческие предложения. Я разберу.

– Хорошо, – отчаянно закивала Даша. – Сейчас поздороваюсь с Евгением Юрьевичем и займусь. Он кстати не передавал мне никаких поручений? А то я сегодня снова опоздала, – она виновато опустила взгляд.

– Он собирает в два селектор, – сказала я, раскрывая записную книжку. – Просил меня оповестить этих людей.

Даша тут же сунула нос в мои записи, пробежала глазами список и кивнула:

– О, так давай я обзвоню! Мне проще, я же всех знаю.

– Ну, хорошо, если хочешь. Спасибо. А ещё... – я замялась.

Мне хотелось самой поухаживать за шефом, сделать ему бодрящий напиток со всей любовью, на которую я была способна. Но кофемашина стояла в кабинете делопроизводителя, и в обход Даши я никак не сотворю кофейный шедевр. Конечно, можно сказать, что себе, но если Скворцова спалит – будет неприятно.

Наверное, следовало наплевать на чужие чувства, но вот так – за спиной у других – я не могла. Подавать кофе, жалуюсь, что больше никто не работает – не в моей природе. Пусть Даша исполняет свои функции, я подберусь к Жене другими путями. Теперь он гораздо ближе, чем пару дней назад. Кто знает, что будет дальше?

– Начальник просил кофе. Чёрный, без сахара...

– Да-да, я знаю, как он любит! – перебила меня девушка и чуть не подпрыгнула от переполнившего её энтузиазма. Приятно получать задания, которые по плечу. – Сейчас же сделаю и отнесу ему! Спасибо тебе, Машенька, огромное!

Я улыбнулась, хоть меня и укололо заявление Даши.

– Было бы за что. И мне доза кофеина не помешает.

– Так заходи, попьем вместе, поболтаем, всегда рада, – Даша подмигнула и скрылась в кабинете.

Поболтаем, ага. Это, наверное, самый долгий разговор с ней за всё время моей работы здесь. Ну да ладно. Пора готовиться к совещанию.

* * *

Пока я готовила отчёт на оперативку, пролетела первая половина дня, и началась движуха. Народ собирался на совещание, кто на кипеше, кто спокойно, но меня дёргали все, от новичка-проектировщика до главного архитектора. Я дополнительно узнала несколько тем, по которым, оказывается, должна быть в теме. Список моих обязанностей ширился неукоснительно.

Я пометила вопросы для Селиванова, прямо сейчас вторгаться в его ледяное королевство постеснялась – два инженера из филиала приехали пораньше и осели в его кабинете. Толстый и тонкий, как у Чехова. Забавно выглядело. А я, чу-

мовое создание, снова отметила, как выигрышно смотрелся Евгений на их фоне.

Итак, к назначенному времени, сотрудники «Эксперт Гео-Ком» стеклись к кабинету. На оперативки я прежде не ходила, поэтому чувствовала себя неловко. Архитекторы и руководители проектов общались как на деловые темы, так и не очень, шутили, с интересом поглядывали на девушек-коллег.

Прижав папку к груди, я отошла к макету района, который мы курировали. Под толстым стеклом вырастал лес миниатюрных новостроек, перемежаемых уютными двориками, зелёными парками и аллеями. Крошечные административные здания удивляли необычным дизайном, река тянула синий хвост вдаль, но обрывала артерию русла на краю.

– Идёмте, уже два. Раньше сядем – раньше выйдём, – возгласил кто-то.

– Ильдар, заводи народ, – подначивали главного архитектора. Тот, недолго думая, распахнул дверь, и нестройный поток потянулся в кабинет.

Рассматривая макет, я оказалась дальше всех, поэтому вошла одной из последних. И застыла, не зная, куда приткнуться. Где обычно садилась Жанна? Стул возле начальника пустовал, но не будет ли наглостью сесть ему под нос? Туда бы Морозову или Горбунову, по старшинству, а протокол можно писать и в хвосте, я услышу.

Евгений поднял голову и перехватил мой растерянный взгляд. Видя, что я в замешательстве, он указал глазами на

место возле себя. Я кивнула и с колотящимся сердцем засемила туда. Спасибо, выручил! И отдельное мерси, что незаметно. Заняв место, я тут же протянула боссу отчёт по проектам. Тот пролистал его и отложил.

– Переведите мобильные телефоны в беззвучный режим, – произнёс начальник, и я вздрогнула от холода бескомпромиссного тона.

Вот и как любить тебя, если ты не переносишь даже звонок рингтона? Удивительно, почему меня это не останавливало и не отвращало? Почему внутреннее «я» молча пожимало плечами? Не так-то просто оттолкнуть Женю, если уже впустила его в сердце. Керис, как ты это допустила? Стоп, так и до диссоциативных расстройств недолго договориться.

Мы отключили телефоны, и тут распахнулась дверь, впуская опоздавшего

Казалось, он заденет макушкой верхний косяк. Сочный румянец густо заливал круглые упругие щёки, а яростный шлейф парфюма истреблял все остальные запахи.

– Успел? – мужчина оглядел присутствующих блестящими карими глазами и, сообразив, что совещание ещё не началось, выдохнул: – Успел! Здравствуйте, господа, – проговорил он с достоинством, будто сам проводил оперативку.

С подрядчиками на основные работы Женя договаривался сам, преимущественно с теми, кто уже себя зарекомендовал аккуратными и шустрыми исполнителями, а для привлечения в проект новых фирм требовалось сначала разве-

дать их репутацию, пообщаться с представителями. Этим и занимался Иван Абрамов – директор по строительству. Вот и сейчас явился сразу с переговоров.

Иван сменил скорый шаг на степенную походку, скинул пиджак, оставаясь в голубой рубашке на крупном крепком теле, и подошёл пожать начальнику руку. А после уселся рядом с Ильдаром. Странно, а я думала, попросит Женю освободить нечаянно занятое кресло – шёл так гордо. В Иване всегда хватало гонора. Если изъять у него часть, можно одарить всех собравшихся, и ему ещё останется в избытке. Ладно, мне с ним детей не крестить, главное, чтобы ладил с начальником и нанимал надёжных людей.

Моё любопытство «вознаградилось». Пока я пялилась на Ивана, он поймал мой взгляд. Но посмотрел не как на привлекательную женщину, а как на громоздкий обшарпанный шкаф, неведомо каким образом оказавшийся посреди изящно обставленной комнаты. Я немедленно отвернулась.

– Евгений Юрьевич, можно маленький организационный вопросик, пока не начали? – подал голос Абрамов, и я явно ощутила в нём растущее раздражение.

– Давайте, – начальник уже потянулся к стационарному телефонному аппарату, но остановился.

– Чтобы я больше не задерживался и не отвлекал собрание, нужно чтобы кто-нибудь занялся документами на тендеры, – добавил он с явным недовольством. – За торгами всегда следила Жанна.

Очень толстый намёк. Ещё и этот хмырь будет мне приказы раздавать? Нет, переключивать работу на других – не новость, однако меня задела подача. Но если Евгений согласится, я, конечно, проглочу обиду и приму новые функции.

Я негодуяюще сжала кулаки, но быстро загасила недовольство и обернулась на начальника со смирением на лице. Однако, похоже, он уловил мою красноречивую эмоцию – я заметила потухающий огонёк гнева в его глазах. Нам обоим понадобилось несколько секунд, чтобы справиться с чувствами.

– Иван, не переключивайте обязанности. В этот раз в отсутствии Яковлевой этим занимаетесь вы, – холодно заметил он, на что Абрамов возразил с жаром:

– Я всёго лишь прошу небольшой разгрузки. Поручите бумажную волокиту вашей помощнице, – он указал на меня пухлой ладонью. – Сами знаете, у меня дел по горло.

– У неё тоже внушительный список обязанностей. Закроем тему, – отрезал Женя. – Мария, запишите первое поручение: Абрамову – подготовить документы на проведение торгов по подрядным организациям. И давайте уже перейдём к совещанию.

Иван пробурчал что-то себе под нос и затих. У меня запылали щеки и уши. Мне казалось, все смотрели только на меня и слишком громко думали.

– Подключаю Юрия Антоновича, – начальник скользнул взглядом по рядам собравшихся и, получив подтверждение

о готовности, набрал номер отца.

– Алло, – с ходу ответил тот. – Добрый день, господа. Начнём? Озвучу вопросы на повестке дня...

Услышав старшего Селиванова, я неосознанно подтянулась – казалось кощунственным сутулить плечи, слыша этот насыщенный тембр. Даже искажения телефонной линии не мешали харизме Юрия Антоновича проникать в кабинет. Неторопливые богатые интонации выдавали в нём человека мудрого и опытного. Он будто уплотнял голосом воздух, отчего каждое произнесённое слово приобретало вес и значимость.

А я почувствовала неловкость и едва ли не стыд оттого, что мечтала о его сыне. Да, старший Селиванов не мог читать мысли, но в моей голове сработал механизм, и внутренний блюстителъ дисциплины изгнал оттуда всё нерабочие думы.

Мне стало любопытно, ладил ли Женя с отцом. Понятно, что они вели вместе бизнес, но и у прекрасных отношений имелись оттенки. Тем более, мне снова вспомнился Егор. У него по каким-то причинам с семьёй не ладилось. А я всё забывала погуглить, разрешился ли его конфликт с Кайзером – к вечеру не оставалось ни сил, ни памяти.

Я украдкой наблюдала, как общались Селивановы. Евгений держался подчёркнуто официально и уважительно, никак «ну, пап», всегда по имени-отчеству. Выражение лица сохранял строго-скучающее. Редко улыбка раскалывала въедливую серьёзность, смягчая резкие черты и сглаживая

острые линии. А Юрий Антонович говорил вежливо и спокойно, не давая харизмой. Ясно, паритет. Прекрасный экземпляр отношений отца и сына, которые на одной волне. Только почему-то Егор к ним не вписался. Но не мне размышлять о методах воспитания и сложных характерах. Особенно в разгар совещания.

Я вела протокол, скрупулезно записывая указания, номера приказов и стандарты, которые нужно проработать. Селиванов диктовал бесцеремонно быстро, что порой я едва поспевала. Евгений вкратце пробежался по завершённым и текущим проектам, заслушал доклад представителей филиала, потом поделился воодушевляющими планами. Венгерские инвесторы собирались сделать крупный заказ.

Мне повезло увидеть, как относились к начальнику подчинённые. Уважение проявлялось в деталях: как быстро и точно они отвечали на вопросы, как искали одобрения и совета своим идеям. Коллектив признавал Евгения как грамотного руководителя и толкового архитектора.

Но не обошлось и без курьёзных моментов. Когда Юрий Антонович спросил что-то у проектировщика, ответила его бойкая на язык супруга, мотивируя тем, что муж будет долго раскачиваться, а она в курсе дела. Это разрядило строгую обстановку оперативки, а я залюбовалась улыбкой Евгения.

Я накрутила на палец прядь, не вошедшую в кубышку, и потёрла шею возле уха, глядя на рекламные буклеты на столе. А когда повернулась, чуть не вздрогнула – начальник

смотрел на меня. Его зелёно-голубые глаза завораживали. В них было что-то... странное и сильное, что опаляющий жар пустыни бросился мне в лицо, а в животе образовался лёд.

Похоже, Евгений не ожидал, что я так резко повернусь и застану его врасплох. Лицо мужчины дрогнуло, но в следующий миг он одобрительно кивнул на протокол, который я писала. Контролировал? Или умело выкрутился? Нет, слишком смелая мысль. Один раз посмотрел – ничего не значит. Я же сидела рядом, логично, что периодически он останавливал на мне взгляд. За совещание я ловила его ещё пару раз, но уже не придавала особого значения.

Оперативка закончилась, и я вернулась в свою секцию. «Пережила», – подумала я, откидываясь в кресле. Совещание измотало меня, но рабочий день ещё не завершился. Я напечатала протокол и отправила его по электронному документообороту Селиванову. А чуть погодя заглянула лично, потому что в голове вдруг созрел план. И меня распирало, как хотелось поскорее его воплотить.

Прогретое солнцем помещение окутало меня ароматным теплом, когда я вошла. Начальник отвлёкся от документов. Под конец рабочего дня я падала со шпилек, а он выглядел свежим и бодрым, притом, что работал, как проклятый. Как умудрялся? Вселенная, подари мне такой же порог усталости, пожалуйста.

– Заходите, Мария, я как раз просматриваю протокол, – отозвался Селиванов.

Пока он бежал глазами по строкам, я выкраивала секунды, чтобы полюбоваться им. Сойди сейчас Земля со своей оси, я поблагодарила бы её, ибо мой последний миг запечатлеет любимые черты.

– Всё-таки я быстро диктовал? – спросил Женя, и я только сейчас заметила, что он сделал уже несколько исправлений.

– А? Нет. Видимо, я так спешила, что опечаталась.

– И куда же вы спешили, Мария? – босс поднял на меня лукавый взгляд.

Хорошее настроение не покинуло его. Мне несказанно нравилось, как он произносил моё имя, как дразняще «р» вибрировало на кончике языка.

Евгений был такой уютный, расслабленный и довольный, что меня переполнила благодарность. Я не удержалась и выплеснула её:

– Просто хотела выполнить поручение быстро и хорошо. Я вам невероятно признательна за оказанное доверие. Буду стараться его оправдать.

Взгляд мужчины пригвоздил меня к полу. Даже не верилось, что эти ясные и умные глаза могли смотреть так проникновенно. В ту минуту я готова была сделать всё, о чём он ни попросит, даже распахнуть окно и шагнуть за подоконник. Позже, прокрутив в мыслях эти события и пережив ощущения в спокойной обстановке, я ужаснулась подобной патетике, но тогда, перед серьёзным и пристальным взглядом, это казалось верхом благоразумия.

– Вы справляетесь, помарки – не претензии, – заговорил начальник с лёгкой улыбкой. – Любой, даже самый опытный сотрудник, может ошибиться.

– Евгений Юрьевич, я хочу вернуться к вопросу, поднятому Иваном Абрамовым, – начала я, набрав в грудь воздуха. – Если он и, правда, так загружен, я готова принять на себя дополнительные функции.

Я никогда не занималась тендерами, знала о них лишь в теории. Но посчитала, что это мой шанс проявить себя. Писать протоколы – конечно, хорошо, но сделать что-то стоящее, например, выиграть торги – другое. Мне показалось, или во внимательном взгляде начальника мелькнуло уважение?

– Абрамов много болтает, пусть поработает. Не хочу нагружать вас сверх меры, но, если энтузиазм не иссякнет, посмотрим попозже. Я подумаю. Понимаю ваши стремления, и вижу, что не ошибся, предложив назначение – я разглядел в вас потенциал.

– Так вы назначили меня поэтому, – выдохнула я. – А я думала...

Дура, какая же я дура! Зачем было говорить это?! Селиванов застал меня врасплох этим признанием, я и подумать не могла, что он поднимет тему, над которой я втайне мечтала расставить точки над “i”, но ни за что не решилась бы сама завести разговор.

– Правда? И по какому же? – голос Женя прозвучал на

удивление низко, приглушённые ноты заскользили по коже, высекая искрящую дрожь. Когда так резко менялись интонации, вряд ли это сулило что-то хорошее.

Я зло кусала губы. Разум умолял молчать, но порывистость уже отплясывала на его останках. Я не хотела лгать, да и не смогла бы под этим взглядом. После первого шага откровенности мне хотелось сделать второй.

– Я думала, из-за вашего брата, – проговорила я медленно.

Грозовые тучи, покрывающие небо, позавидовали бы скорости, с которой хмурость заволокла лицо Евгения. Мужчина сдвинул брови и на миг будто задумался, а потом отвёл взгляд и хмыкнул. Звук получился протяжный, горловой, пугающий. А я прокляла себя за то, что по прихоти глупого языка испортила радужное настроение шефа.

Пауза затягивалась. Добавить что-то или молчать? Вселенная, помоги!

– Возможно, тот инцидент в некотором роде повлиял на моё решение, и я обратил на вас внимание, – Селиванов тщательно подбирал слова, не глядя на меня. – Но не потому, что хотел подачкой заткнуть вам рот. Сплетников не остановить, когда они хотят растрезвонить новость. Я посчитал, что могу вам довериться, зачем же вы опять поднимаете этот вопрос? – и он окатил меня холодом разочарованного взгляда. На лице Жени бесспорно читалось, что я лезла не в своё дело.

– Простите, я просто... Так неловко, – я посмотрела в

сторону, не в силах выдерживать лютую стужу его негодования. – Ваши отношения с братом меня не касаются...

– У нас нет отношений, – перебил он. – Но раз вы затронули эту тему, лучше прояснить всё сейчас, – он откинулся в кресле, держась за стол левой рукой. – Мне жаль, что вы стали свидетелем неприятной сцены. Надо было выволочь мальчишку на улицу, но он как к полу прирос, и лишь громче орал, когда я толкал его к выходу. Егор любит устраивать спектакли, это у него в крови, – поморщился мужчина. – Не хватало ещё, чтобы все этажи услышали нашу перепалку, и без того сплетни поползли по офису. Надо было как-то его заткнуть, и я потащил его в конференц-зал. Я не знал, что там кто-то есть, а на открытую дверь не обратил внимания на нервах, – щека у него дёрнулась.

Селиванов коснулся волос и сплёл руки на столе перед собой, надавливая пальцами на кисти так, что костяшки побелели. Похоже, злость снова закипала в нём, но неспешно, градусов на восемьдесят. А ещё он ловко ушёл от ответа. Вроде поведал личное, а у меня осталось чувство, что меня провели.

– И давно у вас так?

Евгений скривился уже открыто. Типа, какая она глупая, не понимает, что бестактно переходит черту дозволенного? Больше ей знать не положено.

– Достаточно. Мария, в этой истории слишком много ненависти и злобы, чтобы испортить этот день, – он натянуто

улыбнулся.

Резкие движения и остервенелость, с какой он набросился на лежащие перед ним документы, выдали его чувства. Сейчас я легко могла поверить, что в мыслях мой начальник кровожадно и хладнокровно разделявал своего брата, как барашка. Любопытство подстёгивало, но я не стала приставать. Жене больно и неприятно любое упоминание Егора и разыгравшейся между ними семейной драмы. Зачем мучить любимого мужчину?

– Разве он уже не безнадежно испорчен? – тихо проговорила я.

Селиванов поднял голову. Я ждала, что он сейчас разозлится и выгонит меня. Но случилось неожиданное – уголки его губ дрогнули, и он почти улыбнулся:

– Как ни странно, мысли об этом засранце не омрачили моего настроения. Не в той степени, как я ожидал. Что ж, спасибо за этот облегчительный разговор, Мария, – он качнул головой и усмехнулся. – А сейчас, оставьте меня, пожалуйста.

Что я с радостью и сделала. Сердце глухо билось в рёбра, руки дрожали так, что я слишком громко хлопнула дверью кабинета. Наворотила же я дел, однако.

Глава 7. Сделка

Среда скрутила меня в бараний рог. Я вспоминала начало недели как райскую жизнь. Первый раз я выдохнула в обед, второй – под конец рабочего дня.

Сегодня я понадобилась абсолютно всем. Даша наводнила мою почту сообщениями, и я старательно разгребала завал. Но мне упорно мешали это делать звонки – «заботливые» сотрудники переадресовывали любые вопросы мне, как заместителю Жанны. Хотела лёгкой жизни под крылышком сногсшибательного начальника? Получи, Маша, на всю катушку.

Порой мне казалось, что меня дёргали нарочно. Но вскоре поняла, что все поголовно сговориться не могли. Коллеги просили разделы и исходные данные для расчётов. Заказчики требовали подтверждения, что проектирование, осмечивание и сами работы проходили по графику без задержек и проволочек. После такой стажировки, я запросто смогу давать консультации в разных сферах. Дополнительный заработок, а что?

К середине рабочего дня я уже заходила к Селиванову без стука. Наверное, начальника напрягало, что я постоянно отвлекала его, но он ни словом, ни жестом не выказал раздражения. С завидным терпением и выдержкой в очередной раз объяснял то, что отторгал мой распухший от усталости и

объёма информации мозг. Может, он видел, что я старалась, чувствовал моё состояние и решил не добавлять нравоучений?

Я забежала вся взбудораженная, взмыленная и загруженная. А его спокойный взгляд и призрачная улыбка остужали мою горячность. Оказывается, срочные вопросы можно решать без суматохи и невроза.

Как же я завидовала невозмутимости Селиванова! Вокруг меня океан кипел, а он разговаривал с коллегами флегматичным голосом. Похоже, крепко вывести его из себя, так, чтобы с криком и нервами, мог только Егор. Но тут же мне вспомнились слова Лили и история со злополучными актами. Но раз я лично не слышала, как Женя бушевал в кабинете Тараевой, то решила не верить сплетням. Для меня Евгений не запятнал репутацию безупречно владеющего собой руководителя.

А ещё я бегала к нему, лишь бы не звонить Жанне. Не хотелось слышать её голос, пререкаться и портить себе настроение. Но на некоторые вопросы Евгений не мог ответить, и всё-таки пришлось пообщаться с Яковлевой. Сама Снежная Королева кусала бы локти от зависти, как холодно и гордо раздавала мне указания Жаба.

Никогда я ещё не ждала конца смены как сегодня. Хотелось рухнуть на постель и уснуть. Неужели теперь так будет всегда? Мрак.

Наконец, мой рабочий день завершился, и, попрощав-

шись с боссом, я покинула офис. С каким удовольствием я вышла на улицу, под свежий ветер! Пройтись что ли, выгулять мозги или сразу домой спать?

Но далеко я не ушла – увидела под деревьями тонкую фигуру. Да это какой-то фатум, только вчера о нём с Женей говорили!

Егора я узнала сразу, хоть он и надвинул на глаза бейсболку. Он не вписывался в пейзаж яркими дорогими шмотками. Не люблю рэперов за стиль. На сколько размеров эта толстовка ему велика? А толстая цепь не оттягивает шею? А надутые кроссы – что за мода? С его ногами-спичками это выглядело убого. Хоть в зеркало смотрел бы перед выходом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.